

СУДЬБА И ВОЛЯ

ЛЕВ КЛИОТ

18+

Лев Клиот
Судьба и воля

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Клиот Л.

Судьба и воля / Л. Клиот — «ЛитРес: Самиздат», 2016

ISBN 978-5-532-09319-5

Эта история, основанная на реальных событиях, – удивительное повествование о судьбе человека, который прошел через гетто и концлагеря, неоднократно смотрел в лицо смерти, но выжил. Он прошел невероятную, полную неожиданных поворотов, удивительных встреч, везения, любви прекрасных женщин, жизнь. Жизнь миллиардера, создавшего свою бизнес-империю. Жизнь, пронизанную счастьем и печалью, тенью прошлого, которое никогда не отпустит его в безмятежность. В оформлении обложки использована фотография автора Т. Афинская

ISBN 978-5-532-09319-5

© Клиот Л., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Глава 1

Он бежал за санями. Снег был глубоким и рыхлым. Снег не давал набрать скорость, и ему никак не удавалось зацепиться руками за заднюю скобу, удерживающую солому. Лошади притормаживали на поворотах, и он почти настигал свою цель, но сани елозили в разбитой колее, и в тот момент, когда его ботинки наконец оказывались на концах подкованных железом деревянных полозьев, сани, вильнув, резко сотрясались, сбрасывая его на дорогу. Приходилось начинать все сначала. Снег не пускал его, удерживая в своей все увеличивающейся глубине. Пара рыжих битюгов уносила повозку, и ему так и не удалось дотянуться до стога, а он хотел прокатиться, как местная ребятня шутила, «от калитки до ворот», и вытащить пару соломинок, чтобы пускать через них мыльные пузыри, а еще через них можно медленно пить воду. Но вот же снег, белый, сахаристый, не запачканный конным пробегом. Зачем соломка? Можно ведь просто набрать в руку этого холодного сахара и есть его, охлаждая горячее горло.

Борис застонал, и Жозетт смочила его губы влажным тампоном. Ему было хорошо в бессознании, в этих детских воспоминаниях, ничем не перемешанных, как это бывает наяву. Ты стараешься вспомнить о чем-то из прошлого, но настоящее мешает, никуда не исчезая, и оказаться в этом прошлом – чистом, без примесей сегодняшнего мира – не получается.

Борис Залесский – в коме, ему 84 года. Два дня назад он упал с винтовой лестницы в своих апартаментах в Жуан-ле-Пен. Он слышит, как суетится Жозетт, чувствует лавандовый запах простыней и их шероховатость. Иногда, когда он выплывает ближе к поверхности, становятся осязаемыми боль сломанных ребер и трудное дыхание задетых легких.

Но окружающие его люди – медперсонал, жена, появившиеся накануне сыновья – этих его приближений к реальности не замечают, только на мониторе пациента иногда выстрелит пиком какая-нибудь синусоида.

Борис понимал, что на этот раз ему не выкрутиться. Смерть не однажды приближалась к нему, как он шутил, на интимное расстояние, но роман закрутился только теперь.

Его радовала появившаяся, пусть и при столь трагических обстоятельствах, возможность проваливаться в прошлое, в сладкий сироп детства, и он отпускал себя в это плавание, в глубину, не подверженную суете.

Отец брал его на руки. Он был большим, широкоплечим, с густой черной шевелюрой и аккуратной бородкой. От него пахло табаком, одеколоном, сыромятной кожей лошадиной упряжи и смолистым сосновым духом. Он был известным и уважаемым торговцем лесом. Иногда в его нагрудном кармане к восторгу мальчика обнаруживался клад – шоколадная конфета. Но такое случалось нечасто. Отец много работал и редко находил время для общения с детьми: кроме Бориса, в семье было еще четверо, все девочки и все были старше его.

Как-то перед сном он обратился к Мириям, 15-летней, уже взрослой старшей сестре, маминой главной помощнице.

Она зашла поцеловать его и пожелать добрых сновидений, но присела на постель, услышав его вопрос:

– Почему я не могу получить такую конфету, которая бывает в папином кармане, всегда, когда хочу?

– А что еще ты хочешь получить по первому твоему желанию?

И пятилетний мальчик перечислил целый список предметов, совершенно ему необходимых для полноценной жизни. Там было увеличительное стекло, юла, деревянная конка с выточенными тремя лошадьми, как у Максика, лук со стрелами из игрушечного магазина, трехколесный велосипед, стеклянные голубые шарики и собака.

– А что ты сам можешь сделать, чтобы все это получить? – сохраняя спокойствие на лице, спросила Мириям. – Ведь если по первому твоему требованию будет появляться все, что ты

хочешь, то тебе и с кровати подниматься не надо будет. А когда ты вырастешь и у тебя будет свой маленький сынишка, а мама и папа улетят на небо, ты ведь ничего не будешь уметь – только просить все, что твоя душа пожелает. А как же ты своему малышу достанешь все то, что ты сейчас перечислил?

Он задумался: как это мама с папой улетят? Мама иногда надевает такое воздушное платье с оборками и широкой юбкой, наверное, ее может унести ветром; а папа слишком большой и тяжелый, он одет в шерстяной костюм с широким ремнем, застегнутым на толстую бронзовую пряжку и большие сапоги с отворотами. Но он спросил про другое:

– А что надо сделать, чтобы у меня всегда были конфеты?

– На все, что ты перечислил, и на конфеты в том числе, нужны деньги, а деньги нужно зарабатывать.

– А сколько стоит одна конфета? – не успокаивался мальчик.

Мириям рассмеялась:

– Спи давай!

Но он настаивал:

– Сколько?

– Ну, наверное, сантимов пять.

Рядом с их домом двое рабочих разбирали булыжную мостовую. Они таскали булыжники на телегу, а освободившееся пространство приводили в порядок подсыпая песок и щебень, и уже затем этот же булыжник укладывали обратно.

Однажды, когда мужики сделали перерыв в работе и уселись перекусить, Борька подошел к ним и спросил, сколько им платят за каждый камень, что они выкорчевывают из мостовой.

Мужики расхохотались:

– А что, пацан, подработать хочешь? Наверное, девчонка понравилась, хочешь ей конфет купить?

То, что эти дяденьки случайно коснулись его истинной цели – заработать на конфеты – добавило Борьке решимости. Пусть они думают, что это он для девчонки старается, так даже лучше выглядит, почетнее. И он произнес, выпрямившись и заложив руки за спину:

– Да, хочу конфет ей купить.

Хохоту у мужиков прибавилось. На расстеленном платке перед ними лежали ломти ржаного хлеба, куски сыра и круг домашней колбасы. Из глиняного кувшина они наливали себе в железные кружки темное пиво и уже на кураже предложили ему хлебнуть:

– Вот выпьешь пива с нами, возьмем тебя в нашу артель.

Борька смело взял протянутую кружку, но тот, что был старшим из двоих, остановил его:

– Ладно, вот лучше колбаски поешь.

– А если я вам помогать буду, сколько вы мне денег дадите?

Он решил, что так будет правильно разговаривать со взрослыми: прямо скажешь – прямо поймут.

– А ты камень поднять сможешь?

И он тут же продемонстрировал свои способности. Схватил лежащий поблизости булыжник и бегом оттащил его к телеге, только закинуть не получилось – высоко.

Рабочие переглянулись:

– А батька не побьет?

Борька проработал весь день, заработал серебряный лат и, придя домой, гордо положил его на стол перед отцом.

Ему купили целый кулек конфет, и он вначале угостил всех домочадцев, а оставшиеся съел, сидя на полу в своей спальне, впад от наслаждения в прострацию. Когда мама зашла проведать его, он сидел, уставившись в одну точку, с поднятыми, испачканными в шоколаде руками. Этот жест означал, что надо их помыть, но у него не было на это сил.

Отец, немало удивившись такому поведению сына, позволил ему порадоваться, насладиться плодами своего труда, но затем серьезно с ним поговорил. Он не стал его наказывать, но впредь такими вещами заниматься без его разрешения строго-настрога запретил. Зато теперь он стал брать его с собой на работу. Работа, на которую брали Борьку, происходила в лесу, а в лесу для пятилетнего человека есть тысяча вещей, которыми можно заниматься бесконечно: из коры старой сосны можно выточить кораблик-лодочку, вставить в нее палочку-мачту и приделать из промасленной бумаги парус, а в орешнике найдется палка, из которой можно согнуть лук, а из веток потоньше наделать стрел. Одни шишки чего стоят: набрать их побольше и, целясь в дерево, кидать, выработывая меткость, – это вообще занятие на целый день.

Но с каждым новым приездом в лес он все больше внимания обращал на то, чем занимались взрослые. Отец продавал лес на корню. К нему приезжали покупатели со всей Латвии, и им выделялась делянка с четкими границами. Важно было определить, какое количество леса находилось в этих границах и какого качества были деревья. В те времена это делалось людьми, которым покупатели доверяли как специалистам в этом специфическом деле, с репутацией честных купцов. Продавец на глаз оценивал делянку, сообщал об этой оценке покупателю и бил с ним по рукам. В зависимости от конечного результата, насколько близким он оказывался к этой оценке, выстраивался его авторитет в этом лесном деле, и чем выше был этот авторитет, тем больше к нему тянулось потенциальных покупателей. Так выглядела конкуренция в этом бизнесе.

Уже к десяти годам отец заметил, как остер был глаз у сына, тот поражал его своими способностями просчитать осматриваемый участок, и он, в виде шутки, начал с ним советоваться, все больше удивляясь точности Борькиных оценок.

Еще через два года приказчики, сопровождавшие своих хозяев-покупателей, старались потихоньку, в обход отца, переговорить с мальчишкой, услышать его мнение о качестве и емкости предложенного участка. Удивительным образом у него в голове складывалась картина леса на предложенной территории, и он каким-то шестым чувством, природной чуйкой своей мог точнее всех назвать количество стволов, годящихся для переработки в мебельном деле, в производстве шпал или просто для дровяного склада.

Приказчики просили его не просто так, и в его маленькой ладони оставались иногда лат, иногда два лата, а бывало, и большая серебряная монета-пятилатовик с прекрасной Милдой отягощала руку. Отец прекратил сыновью коррупцию, но оценив его способности, как бизнесмен положил ему оклад – тридцать лат в месяц. Он был ужасно горд тем, что его маленький сын продолжил его дело с таким успехом, с такой необычной для совсем еще юного человека хваткой.

Тринадцатилетие Бориса Залесского праздновали со всей широтой зажиточного благополучного семейства.

В синагоге на улице Пейтавас, где у отца было свое почетное место, Борис прочел наизусть часть недельной главы Торы, и отец поблагодарил бога за то, что ему позволено было вырастить такого замечательного мальчика и что теперь этот мальчик, став взрослым, сам может отвечать за свои поступки.

На праздник пригласили всех его друзей, близкую родню и партнеров отца по работе. Дом был переполнен людьми, шумом их общения, музыкой, запахами ломящегося от яств стола. В его спальню сгрузили целую гору подарков, и главным был новенький, сверкающий никелированными частями и спицами велосипед. За столом говорили речи, восхищались Борькиными необыкновенными способностями.

Мама плакала и целовала его после каждого посвященного имениннику тоста. В его жизни никогда больше не будет такого светлого, пронизанного любовью, искрящегося счастьем праздника.

Борька рос в женском царстве. Его мать, Дина, выглядела так молодо, что могла сойти за подружку своих дочерей. Она сохранила стройность, нежную розовость тонкого лица и веселинку в своих черных глазах, всегда готовую раскатиться обворожительным рассыпчатым смехом. Сестры-погодки – Ханна, Эстер и Гита – приводили в дом своих многочисленных приятельниц, и Борька с самого детства варился в их девичьих переживаниях, их интимных секретах и мечтаниях. Он был всеобщим любимцем и отвечал сестрам взаимностью, но подсознательное заставляло искать в себе те качества, которые не позволили бы ему раствориться в мире розовых бантов и голубых лент. Он лавировал на контрастах, и женское окружение не размягчило, а напротив, отточило его мужественность.

Первый опыт влечения к противоположному полу он пережил, когда ему не было и десяти. Среди сестриных подруг была девочка чуть старше его. Ее звали, как и его мать, Диной. В главном зале их дома были диваны на высоких ножках. Они позволяли малышне пролезать под ними по паркету по-пластунски, и дети затеяли игру. Распластавшись по полу, они по очереди проползали под этими диванами, для скорости вытаскивая друг друга за руки или за ноги. Так у них выстраивался ручеек кругового движения.

Борька ловил момент, когда надо было вытаскивать Дину, и он осторожно прихватывал ее за ножку: вначале за лодыжку, потом за коленку, а потом и выше. И тогда он почувствовал неизведанное раньше волнение. Прикосновения к ее бедру вызывали у него такие приливы крови, что ему казалось, что у него горит кожа... Он делал вид, что ничего особенного не происходит и он касается того места выше коленки случайно, ведь движение ручейка должно быть быстрым и безостановочным, тут уж некогда рассуждать, за что удобнее ухватиться. Но однажды он встретился с Дининым взглядом, и в ее прищуре было такое, что он понял: его прикосновения не остаются незамеченными, и Дину это тоже волнует. Осознание встречного, пугающего и одновременно завораживающего чувства придало ему смелости, и у них с этой красивой девочкой установились тайные отношения.

Теперь везде, где им удавалось остаться наедине, он прикасался к ней в тех местах, которые казались ему наиболее притягательными. Она молчала, но резко пресекала все попытки его рук добраться до самых потаенных. Все это происходило в полном молчании и постоянном опасении, что их заметят. Дина уходила неожиданно, как только ее прелестное личико розовело, без «до свидания» и без обещания прийти еще раз. И Борька потерянно оставался в одиночестве и недоумении. Ему не с кем было поделиться своими переживаниями и этим новым опытом. Его друзья подняли бы его на смех, и он стал бы презируемым девчоночьим поддубочником. С сестрами не то что советоваться, он просто не пережил бы того позора, которым покрыл бы себя, рассказав им о том, что чувствует. Так ему казалось. Роман этот длился недолго. Родители Дины переехали в Вильно, и девочка осталась в его воспоминаниях как самый сладкий цветок, которого ему удалось лишь коснуться.

Совсем другие события разворачивались на повседневном мальчишечьем фронте. Район, где находился их дом, был поделен между тремя «бандами». «Банды» – это им так хотелось называться. Никакой реальной вражды и преступного акцента среди мальчишек, разделившихся по национальному признаку, не было. Евреи, латыши и немцы группировались по такому принципу только тогда, когда происходили события, требующие консолидации. Первое – это футбол. Играли по выходным, по графику. Стадион в районе был один, и в его владении были заинтересованы все три группы. Тут они выступали единым фронтом, и чужакам в этом месте показываться было небезопасно. Играли не только в футбол: городки, крикет, устраивали забеги на разные дистанции, но высший уровень авторитета достигался в победах на гимнастических снарядах. На стадионе были брусья, перекладина, канат и кольца, и это было реальным полем сражения. Борька был прекрасно сложен. Господь и родители дали ему пропорции, на которые он нарастил мышечный каркас. Он с самого раннего возраста занимался всем, что

развивает тело. Он делал это так же естественно, как дышал. Борис был невысок, но он был очень сильным парнем, и на снарядах ему равных не было.

Но не всегда все было между «бандами» так безоблачно. Несогласие с судейством футбольного матча, чьи-то личные разборки, какая-нибудь сплетня и, конечно, девчонки, которые национальных преград не соблюдали, становились причиной для драк стенка на стенку. Причем утром могли латыши с немцами бить евреев, к вечеру евреи с латышами били немцев, а к выходным немцы с евреями давали по шее латышам.

Впрочем, это не мешало отдельным персонам из всех трех группировок дружить в индивидуальном порядке, и когда корпоративные интересы вынуждали таких ребят вставать друг против друга, они могли, с сожалением нанося удары, сообщить своему противнику:

– Извини, Янка, но я тебя немного поколочу.

– Да ладно, Вилли! Только не по лицу, а вот Менахему вмажем по полной.

Первого июля сорок первого года соотношение сил в этих мальчишеских подразделениях несколько изменилось: в руках бывших немецких мальчиков оказались «шмайсеры», в руках бывших латышских мальчиков – винтовки «Маузер 98», а в руках евреев, всех: и девочек, и мальчиков, и их родителей, и их бабушек и дедушек, – оказались иголки с нитками, которыми они пришивали к одежде желтые звезды.

Несколько лет Борис вместе с сестрами занимался в танцевальной студии одного из учеников Освальда Леманиса, руководителя Латвийского балета, замечательного танцора и хореографа. Борькины успехи были настолько очевидными, что, когда ему исполнилось 16 лет, его пригласили в труппу оперного театра. Он прошел предварительный просмотр и после первых дней знакомства со сценой поделился со своим ближайшим другом Мишей Шерманом некоторыми странностями поведения танцоров балета. Эти странности Мишка со вкусом, с соответствующей жестикуляцией и с прогнозом Борькиной судьбы в ближайшем будущем разъяснил другу. Мишка был лучше подкован в таких вопросах, в его семье было два старших брата, и они были доступным и неиссякаемым источником знаний во всех вопросах интимного свойства.

Педерасты! Жуткое слово прозвучало в Борькиных ушах пожарной сиреной, и хоть Мишка потом смягчил тон и сказал, что его братья знают несколько таких ребят и ничего плохого о них сказать не могут, в оперу Борька больше не пошел. Но в эти несколько дней за кулисами театра у него произошло знакомство с балериной кордебалета Байбой Брока. У них закружился роман обжигающий, безоглядный. Она была на год старше его, невысокая, тоненькая, веселая, голубоглазая блондинка. Они сошлись сходу, с первого прикосновения и не могли друг от друга «отлипнуть» – это было ее выражение.

– Я не могу от тебя отлипнуть, даже когда тебя нет рядом. Я твои руки чувствую ночью во сне так, как наяву, и когда просыпаюсь, не понимаю, почему я одна.

Они занимались любовью везде, где им удавалось остаться наедине: у подруг, у друзей, в лесу, куда он увозил ее на раме велосипеда. Они любили до изнеможения, до ощущения невосможности. Им нужно было успеть насладиться друг другом до того, как это станет невозможным. Они избегали этой пугающей темы, но в воздухе висело мрачное ощущение надвигающейся беды. Их обостренное любовью сознание вибрировало от предчувствия скорой разлуки. Два совершенных тела переплетались в тщетной надежде остановить время, не отлепиться друг от друга еще на мгновение, еще...

Синусоиды на мониторе стали опасно выравниваться в прямую линию. Засуетились белые халаты, в вены направились потоки реанимационных препаратов, уколы дексаметазона в плечо, адреналина под язык. Нет, это еще не конец, просто он не мог вспоминать то, что было дальше.

Его старший сын, Мишель, входит в десятку ведущих нейрохирургов США. Однажды он объяснил отцу, как происходит блокировка памяти. Сложные названия: нейромедиаторы, нейроны, синапсы и пр. Их исчезновение или рождение новых стирает старые хранилища памяти.

Именно это интересовало Бориса. Он плохо понимал эти процессы, даже в популяризированном виде, терпеливо рассказанные его умным сыном, профессором, владельцем одной из лучших клиник, специализирующейся на проблемах головного мозга.

Но однажды Жозетт уговорила его посмотреть фантастический фильм Джона Ву «Час расплаты». Там был эпизод, в котором у сотрудника крупной корпорации с целью сохранения корпоративных секретов при его согласии стирают память. Импульс выжигал нейроны головного мозга, носителей той, секретной информации. И компьютерная графика, изображающая этот процесс, эта трехмерная паутина мириадов линий, соединяющих студенистые узелочки, лопающиеся и опадающие под воздействием направленного на них луча, вырвала его из кресла. Он приблизился к экрану, он не мог выразить словами то, что почувствовал, только тряс кулаками и наконец выдал:

– Я так сделал сам, без их сраных машинок! Я выжег эти точки из своей головы, я их сжег и поэтому выжил!

Сон и явь смешались.

Он шел через мрак и ужас, охвативший жизнь его семьи, его близких, его народа, по лунной дорожке любви. Видеть ее, вдыхать запах солнечного тепла ее кожи, запах ее волос – запах скошенного луга. Он медленно подходил к пику наслаждения, вначале касаясь губами пульсирующей жилки на ее шее, поднимаясь к маленькому круглому ушку и потом вниз по выступающей на худеньком лице скуле, по нежной коже щеки к мягким трепещущим в ожидании губам.

Борька вскочил, отбросив одеяло. Сон не успокаивал, он не давал телу находится в покое. Он лихорадочно натянул на себя брюки, на ходу заправляя в них рубашку. Сдернув с вешалки куртку, вылетел за дверь, не давая маме успеть закричать. А она не могла не ужаснуться его ночным рывкам из их еще не тронутого мирка, их еще не разрушенного железом стеклянного дома.

Комендантский час. Смерть за каждым углом! Но он рысь, он пантера, его реакция, сила, скорость им неподвластны.

Байба пропала. Ее нет третий день. Она не приходит в условленный час в их место встреч в дальнем углу парка. Никто из тех, кто еще отваживается с ним общаться из того, уже чужого мира, ее мира, не знает, где она. Он идет по темной, опасной территории родного города, так недавно территории его счастья, территории, залитой солнцем его юношеского страстного узнавания жизни, ежесекундного открытия новых, неизведанных сторон бытия.

Теперь он шел, крался по одной из таких сторон, это была страница под названием «невозможное». То, что происходило, было невозможно, но это случилось.

Убивали соседи, убивали тех, кто их лечил, учил, шил им одежду, чинил обувь. Ад поднялся из преисподней и расположился на территории его недавнего благополучия. Но у него была среди черных стен, сжимающих неспособный противостоять им разум, лунная дорожка. Он бежал по ней, отвергая безысходность, отвергая смертельную опасность, все было ничто против того, что среди людей принято было называть «вечным зовом».

Ее дом – темная многоэтажная глыба, серый камень строгого фасада. Ее окна на втором этаже, как и все остальные, погружены во мрак – и вдруг ударило в сердце, шевельнулся силуэт у парадного. Но чуда не произошло. Это была не она! Грузное большое тело в пальто, поднятый воротник. Иварс Брокс – ее отец. Иварс держал шляпу в руке, и ветер трепал его мягкие светлые волосы. Он знал, что этот мальчик придет и что он должен с ним поговорить. Он ждал его, выходил наугад в ночь, повинувшись неведомым сигналам душевного беспокойства, простаивал по нескольку часов у парадного, и наитие в конце концов его не обмануло. Он сделал рукой приглашающий жест, они прошли через темное пространство подъезда и поднялись на второй этаж.

Борис дважды бывал в их квартире, забегая с Байбой на минутку, когда отца не было дома. Ей очень хотелось, чтобы он увидел, как она живет. Какая она серьезная хозяйка, как

она все устроила на маленькой уютной кухне, какие красивые, бежевые с голубым, портьеры на окнах. Она жила с отцом, мамы не было уже давно. Она умерла, когда Байбе было три года.

Они ни разу не оставались у нее дольше, словно приберегая возможность ощутить себя вправе прийти туда на законных основаниях. На каких законных, они себе не объясняли. Их мир не предполагал законов окружающего их общества, они были в раю, а разве в раю есть такие законы, по которым они должны прятаться, опасаться чужих взглядов и слов, подчиняться придуманным людьми социальным, национальным, конфессиональным преградам? Они и слов-то таких не употребляли, да и не знали, пожалуй.

Иварс Брокс – большой, очень полный пятидесятилетний мужчина. Светлые, чуть навывкате глаза, пухлые, несколько одутловатые щеки и яркие, как-то по-детски влажные, маленькие для такого крупного лица губы. Он усадил Бориса за небольшой круглый стол в кабинете. Свое пальто и Борькину куртку положил на кожаный диван. На столе была бутылка водки, толсто нарезанные куски холодной говядины и холодная отварная картошка. В квартире было прохладно, но Иварс вытирал большим белым платком постоянно выступающие на его высоком лбу капли пота. Борис видел, как сильно он нервничал. Байба всегда очень тепло отзывалась об отце. Из ее рассказов Борис знал, что этот человек был добрым, мягким и глубоко несчастным. Он так и не смирился с потерей своей жены, не смог связать свою жизнь с другой и всю свою любовь обратил к своей маленькой дочке. Он работал чиновником в муниципалитете, и Байба как-то вскользь, несколькими короткими фразами дала понять, как ее отец в связи с последними событиями относится ко всему, что происходит. Иварс сел напротив и налил в маленькие серебряные рюмочки водку. Он сопел, суетясь с посудой, раскладывая закуску, к которой оба не притронутся, и никак не мог начать говорить.

Борька, не выдержав, начал сам:

– Скажите только одно: где она и что с ней?

– Она в деревне у деда. Там и ее двоюродные братья. Она здорова, но пожалуйста, юноша, давайте вначале выпьем – и я вам все объясню.

Они выпили.

Иварс высказал то, что он готовил все эти дни и ночи, все эти слова, которые повторял про себя иногда вслух, и если это происходило на службе, пугливо озирался, не услышал ли кто.

– Борис! Байба – это все, что есть в моей жизни. Я люблю ее так же сильно, как, наверное, вы, если можно сравнить любовь отца и любовь ее избранника. Я знаю, что вы для нее так же дороги и она не мыслит без вас своей жизни. Я хорошо знаю твоего отца и всегда относился к нему с уважением, и если бы не то, что сегодня происходит, я не был бы против вашего союза. Но...

Борька знал, что будет за этим «но». Он сам налил себе еще рюмку и выпил, приготовившись это услышать. То, что Байба в безопасности, что она жива и здорова, успокоило его больше, чем он сам этого ожидал, поэтому то, что оказалось после «но», принял спокойно.

– Борис! – продолжил Иварс. – Вы знаете, что я работаю в государственном учреждении, и на тех, кто находится на государственной службе, сегодня направлено особенно пристальное внимание со стороны нового режима и спецслужб. Несколько дней назад меня предупредили, что этим господам из гестапо стало известно о том, что моя дочь имеет связь с евреем. Вы понимаете, чем это может нам грозить, но это еще не все. Ее двоюродные братья из Валки тоже об этом узнали и пригрозили Байбе, что если они встретят вас вместе, то расправятся с вами прямо у нее на глазах, а потом убьют и всю вашу семью. Только после этого она согласилась уехать, только ради вас, и поэтому я умоляю, Борис, не ищите ее, пожалейте всех: и ваших, и моих. Байба, наверное, рассказала вам, как я отношусь к тому, что происходит, это так ужасно! Я с трудом скрываю свои чувства на службе, а теперь, после того, как меня предупредили о том, что им известно о ваших отношениях с моей девочкой, мне придется уйти с работы, и я уеду туда же, к дочке. Я только ждал вас, чтобы все это рассказать, но если бы вы не пришли

сегодня, я бы все равно уехал, потому что к вам прийти не решился бы. Последнее, о чем я вас попрошу, – напишите ей два слова, чтобы она знала о том, что я с вами обо всем поговорил. Я боюсь, она мне может не поверить, если не получит такого подтверждения в виде письма, написанного вашим почерком.

Борис выслушал эту сбивчивую речь молча и на предложенном Иварсом листе линованной бумаги написал химическим карандашом: «Я все знаю, верь папе, я всегда буду тебя любить!».

Он вышел на темную улицу. Он уже не был пантерой и рысью, он шел по тротуару так, будто он прохожий, которому нечего опасаться. Прохожий – это такое мирное, спокойное определение для человека в нормальном мире нормальных людей.

У самого его дома стояли двое полицаев. Они курили и о чем-то негромко переговаривались. У каждого на плече висела винтовка с примкнутым штыком.

Они показались ему неопасными, но в свой подъезд Борис войти не решился. Он уже почти повернул за угол, когда один из них его окликнул. Проклиная себя за то, что так глупо попался, он подошел к ним. Молодые, явно сельские, с зелеными повязками на рукавах полувоенной формы, они спросили документы и напомнили, что он слишком поздно гуляет по городу, ведь уже давно наступило время комендантского часа. Он ответил по-латышски, без акцента:

– Был у друзей, выпили – и замешкался со временем, простите, парни.

Один из них готов был его отпустить, погрозив кулаком:

– Беги, пацан, и не попадайся. Там дальше немцы КПП устроили.

Однако второй оказался принципиальным и повторно потребовал документы. Борис мог легко справиться с обоими, но в случае, если кому-то из них удастся поднять тревогу, выстрелить, и его поймут, то в его кармане найдут документы, а там домашний адрес. Этого он допустить не мог. Пришлось еще раз сослаться на то, что выпил и документы забыл дома. Они не стали продолжать расспросы, а просто приказали следовать за ними. Его привели в префектуру напротив парка Кронвальда. По узкой лестнице спустились в подвал и только перед самой дверью принципиальный прошипел ему в ухо:

– Ты ведь еврей, а звезду не надел. Там парни научат тебя законы соблюдать! – и ударом приклада впихнул его в помещение с низким потолком, освещенное двумя яркими лампами. Вдоль стен стояли лавки. На них сидели человек десять полицаев, а по полу ползали старики евреи, некоторые религиозные, с пейсами, в лапсердаках. Пол был залит кровью, и их одежда тоже вся была в крови. Несчастные языками вылизывали пол под одобрительные выкрики шуцманов. Те были так увлечены издевательством над стариками, что не обратили на вошедших внимание, но вдруг один из них вскочил со скамьи и, прихватив Бориса за куртку, буркнул его конвоиру:

– Этого жида я сам пристрелю!

И пока тот не опомнился, выволок Бориса на улицу. Это был Эйнар Янсонс – капитан футбольной команды латышской «банды». Борис не раз сталкивался с ним на футбольном поле. И в драках, и в гимнастике Эйнар был его главным соперником. Они перешли дорогу и вошли в парк. Убедившись, что за ними никто не наблюдает, Эйнар развернул его к себе, спросил:

– Узнаешь?

Тот кивнул утвердительно.

– Дашь мне по морде так, чтобы видно было, и беги!

Борька не заставил себя уговаривать – благодарности потом, – он вмазал Эйнару по скуле так, что у того сразу вздулся шишкой синяк, и побежал, прячась в тени деревьев.

На выходе из парка, у самых трамвайных путей, в лицо ударил слепящий луч фонаря. Через несколько минут Залесского втащили в тот же подвал. На этот раз он оказался на полу в

центре помещения. Полицаи не узнали его, и это Борьку спасло. Эйнара не было, он появился через минуту с мокрой тряпкой, прижатой ко вздувшемуся кровоподтеку. Оценив драматизм происходящего, Янсон сходу врезал сапогом Борьке по ребрам и, матерясь, сообщил присутствующим, что к этому еврею у него личные претензии. Он снова выгнал его на улицу и повел через все тот же парк, перехватив винтовку за цевьё. Борис молчал, говорил Эйнар:

– Ты совсем дурак? Сейчас бы не только тебя пристрелили, они, если бы соображали получше и не были пьяными, и меня сдали в СД.

На этот раз он довел Борьку до дома. У двери они остановились. Борис собрался поблагодарить его, но Эйнар перебил. Он сказал, что завтра его отправляют в боевые части:

– Я знаю, меня убьют на фронте, а ты, если выживешь, запомни: не все мы звери. Я представить себе не мог, что наши парни станут такое с вами вытворять.

Залесский стиснул его руку выше локтя, обнять не решился.

Эйнар, оглянувшись, сам притянул его к себе, застыл на мгновение и, резко развернувшись, ушел.

Глава 2

Вечность не боялась прошлого, они были на равных. Вечность принимала его в себя, и он, ощущая ее обволакивающую надежность, больше не тревожил продолжающих жить всплесками синусоид.

Высота, с которой он озирает прожитую жизнь, сглаживала пики. Пронзительная боль, гнев, ненависть, смешиваясь в этом бесконечном, открывшемся ему, клубились успокоенной печалью, горькой философией неизбежности финала для всех.

Мюнхен лежал в развалинах. Последние дни бомбить стали реже, и их снова привели на завод, часть которого находилась в подземных помещениях. На верхнем этаже станочный цех наполовину был разрушен, но станки уцелевшей зоны работали, пока хватало топлива для дизель-генератора. «Сименс» производил оборудование для линий высоковольтных передач постоянного тока. Заключение об этом не знали. Те детали, которые они изготавливали на своих участках, не давали представления о конечной цели. На завод привозили из близлежащего лагеря пеструю команду: русские, французы, немцы и евреи заполняли остатки цехов и под присмотром немногочисленной охраны работали с перерывами на воздушные тревоги. На этот раз сирены не среагировали на одинокий легкий бомбардировщик, американский «Дуглас-А20», и веер сброшенных им бомб дотянулся до последнего в Мюнхене производства корпорации.

Борис был оглушен взрывом, но быстро пришел в себя. Часть перекрытий обрушилась, похоронив под собой и рабочих, и их охрану, а наверху две оставшихся целыми при прежних налетах стены сравняло с землей. Там, похоже, не выжил никто. В том верхнем цеху работал Мишка Шерман, и Борис пытался отыскать его, живого или мертвого, но понял, что не в его силах справиться с завалами, под которыми, возможно, остался его друг. Их осталось трое: он, один француз с перебитой рукой и русский, совсем молодой парень... Француза с поврежденной рукой он едва успел выхватить из-под обрушившейся перегородки в нижнем помещении, тот видел падающие на него балки, но не смог опереться на повисшую безвольно руку, и Борис выдернул его в последний миг, спасая от неминуемой смерти. Русский, видимо, был серьезно контужен, почти ничего не слышал. Оба были растеряны, их никто не охранял, и они уцепились за Залесского, почувствовав в нем внутреннюю силу, способность принимать решения...

Немцы либо убиты, либо разбежались, дисциплина была уже не та. Этот самолет летел один, без прикрытия, пренебрегая ослабленным, неспособным серьезно противостоять авиации союзников «люфтваффе». Война заканчивалась. Это было понятно всем, и никто не хотел погибать в ее последние дни. Дом, в который они добежали со всеми предосторожностями приученных выживать в атмосфере ежеминутной смертельной опасности людей, был почти цел, выбитые взрывной волной окна стали обычной деталью пейзажа разрушенного города. Борис прихватил пистолет из кобуры мертвого оберлейтенанта и фляжку с его ремня. Он первым вошел в незапертые двери квартиры на втором этаже. Было видно, что хозяев нет и что тут уже побывали мародеры. Они забаррикадировали двери и расположились в дальней спальне, окна которой выходили на задний двор.

Борис перевязал руку француза, разорвав сохранившуюся в спальне простыню. Тот представился, подавляя стон: «Франсуа», и очень обрадовался, когда услышал от своего спасителя ответ на чистом французском. Русскому было совсем плохо, и они уложили его на кровать. Борис проверил фляжку, все мучились от жажды, но там оказался коньяк. Пить не стали. Надо было оглядеться, надо было добыть воды и какой-нибудь еды, но выходить из убежища было слишком опасно. Решили ждать ночи.

Русского звали Сергеем. Борис поговорил с ним перед тем, как тот заснул. Он давно не говорил по-русски и удивился, как легко ему удалось вспомнить все эти слова, правда, не очень

правильными были окончания и, конечно, присутствовал акцент. Он никогда специально не учил этот язык, и в их районе было немного русских ребят, с кем он мог бы общаться, но Рига была наполнена русской речью. К тому же среди тех, кто окружал отца в бизнесе, были люди из России, и отец разговаривал с ними на том языке, который устраивал обе стороны.

Уже стемнело, но Залесский решил действовать ближе к середине ночи, лишь бы не уснуть. Возбуждение боролось со страшной усталостью... Приходилось напрягать всю свою волю, и он справлялся с этой задачей. Память листала страницы пережитого, мешая адреналин с горечью печали, и это помогало удерживаться на грани бодрствования и сна.

Русский, да, он знал и русский, но французский, немецкий в совершенстве, почти свободно – английский. Это все мама: она выбирала гувернантку, она настаивала на изучении языков, будто знала заранее, к чему нужно было его готовить.

Мама!

Мучительно впилося в мозг то, что он каким-то невероятным усилием тогда, в сорок первом, выжег или заморозил в своей голове, или в душе, или в сердце. Люди научились придумывать обозначения этим эфирным движениям, недоступным разуму, ощущениям. Этот русский пробудил то, что, казалось, испепелено, или предчувствие фатальных перемен прорвало плотину памяти? Он боялся дать свободу воображению. Жизнь слишком долго висела на волоске, и опасным виделось любой неосторожное движение. Но из глубины сознания всплывала уверенность в том, что все самое страшное закончилось.

Мама!

В конце октября вся семья уже была в гетто, даже Мириям, которая жила с мужем отдельно, в те дни переехала к родителям. Ее муж, Арон, ушел с советской армией, и это добавляло переживаний, которых и так было через край. Их выгнали на улицу ранним октябрьским утром. Петерис, дворник, помог вынести несколько собранных заранее чемоданов и долго смотрел им вслед из-под руки, пряча глаза от яркости низкого солнца – или он скрывал слезы? Он знал эту семью много лет, и они всегда были добры к нему. В его руках лежали ключи от их квартиры, он должен был передать эти ключи новым жильцам. Будут ли они так же добры, как те, которых увели на мучения и смерть.

В самом конце ноября Борьку вместе с людьми, владевшими необходимыми немцам специальностями, с наиболее трудоспособными и молодыми мужчинами перевели из основного гетто в малое. В то утро его и еще 12 человек увезли на лесопилку на другой конец Риги, но вечером в гетто не вернули, как обычно, а оставили еще на день. Объяснили, что работы много и тратить топливо на их перевозку не хотят. Если идти пешком, то по времени как раз получится так, что пока придете в один конец, надо будет возвращаться обратно. Они вернулись вечером следующего дня.

Бориса спас Мишка Шерман. Из леса в Румбуле, где в эти два дня были уничтожены тысячи евреев, где людей сначала раздевали, потом партиями подводили ко рвам и расстреливали из автоматов, вернулись несколько человек. Один из них рассказал о том, как это происходило.

Многих убили еще по дороге сопровождавшие колонну полицейские, в основном люди из команды Виктора Арайса.

Борис слушал свидетеля расправы, не решаясь спросить о своих, но тот сам обратился к нему, разглядев в окружившей их толпе. Этот человек работал у его отца и знал всю их семью.

– Борис, твоих всех. Я видел, как ваша мама прикрывала младшую Эстер, но от пули не прикроешь. Прости, но лучше тебе знать, чем попусту надеяться.

Он выслушал и даже поблагодарил чудом спасшегося парня. Медленно приходило осознание произнесенных этим человеком слов. Мама, нежная, веселая, прекрасная его мама... Он не в силах был представить их – сестер, отца – обнаженными, замерзающими на ледяном ветру, испуганными, отчаявшимися на краю рва, под безразличными взглядами немецких солдат,

под дулами их автоматов. Это невозможно. Вены загудели от напора взбунтовавшейся крови. Он ушел в дальний угол их убежища, встал на колени и стал биться головой о стену. Он даже не плакал, он превратил свой лоб в кровавое месиво, дерево, оклеенное старыми обоями, пропиталось его кровью и, если бы не Шерман и еще двое парней, он убил бы себя. Они не смогли оттащить его с первого раза, он зарычал по-звериному и раскидал их по углам. Но они навалились на него разом все трое, уже понимая, что с ним справиться уговорами не получится. Они связали его ремнями и уложили на пол. К утру у Борьки началась лихорадка, и он не мог выйти на работу, чудом удалось уговорить юденрат оставить его в доме.

Он долго потом ни с кем не разговаривал; все, о чем он тогда думал, все, чего хотел – убивать. Добраться до их глоток, рвать их, видеть, как из их ран течет кровь. Он строил в голове планы один рискованней другого. Выбраться из гетто для него не представляло труда, нужна была цель. И план созрел. Он знал, что квартиру в подъезде, где жила Байба, занимает немецкий офицер, он несколько раз видел высокого, сухопарого капитана и решил подкараулить его и убить. Эта идея стала мостиком к жизни, в этом был смысл – отомстить. «Отомстить», – он повторял это бесконечно. У него был спрятан под порогом лачуги, в которой они жили, штык от немецкой винтовки, и одним декабрьским вечером он оказался у заветного дома. Темнело рано, улица не была освещена, и ему удалось проникнуть в подъезд незамеченным. Маленькая, в несколько ступеней лестница вела в подвал, он был заперт, и Борис штыком взломал замок. Оставалось надеяться, что немец этим вечером придет. Он рисковал, конечно, но цена жизни теперь была иная, он и не рассчитывал пережить эту ночь. Волновало только одно – дотянуться до глотки этого в мышинной форме.

Он пришел, когда Борис уже не надеялся его дождаться. Капитан не успел оказать сопротивления, он ничего не видел, в подъезде была кромешная темнота. Борька успел к ней адаптироваться, и его движения были точны, первый же удар снизу в подбородок лишил офицера сознания. Борька утащил его в подвал, зажег приготовленную лучину и привел немца в чувство. Он хотел видеть глаза своего врага, когда штык будет входить в его плоть. Он сидел верхом на неподвижном теле и наблюдал за реакцией приходящего в себя офицера. Залесский держал штык прижатым острием к тому месту на шинели капитана, под которым билось его сердце. Тот открыл глаза, почувствовал проколовшую кожу сталь и тихо произнес:

– Я не СС.

На Борькиной куртке желтела звезда Давида, и немец разглядел ее при свете лучины.

Борька разбирался в знаках различия, он понял, что имел в виду капитан. Армия с презрением относилась к карателям и зачастую не одобряла то, что делали с евреями люди из СС и других специальных команд. Все это промелькнуло в его голове в те секунды, что он смотрел в глаза на побелевшем лице. Тот не делал попыток освободиться и, похоже, приготовился умереть.

Не то, все не то! Он понял, что не сможет нажать на ребристую ручку своего оружия. Страх, стыд за свою нерешительность, позорное, взявшееся непонятно откуда сочувствие к этому длинному фашисту – все смешалось в голове. Он перехватил штык за лезвие и, размахнувшись, ударил немца тяжелой ручкой по голове. Он не знал, убил он его или только оглушил. В голове стучало – это не то, не то, что принесет успокоение. Через час Борька уже был на своей лежанке в гетто.

Он все-таки задремал и не сразу сообразил, чем тряс перед ним взволнованный француз. В здоровой руке он сжимал пакет, под мышкой другой, перевязанной, зажал бутылку темного стекла.

– Рис, – Франсуа весь сиял. – Рис, Борис!

В пакете было с полкило риса, а в бутылке оливковое масло. Он слышал, как француз осторожно шуршал на кухне, но был уверен в бесполезности поисков съестного после того, как тут побывали такие же голодные бродяги. Видимо, во время бомбардировок одна из полок

кухонного шкафа упала на нижнюю и прикрыла собой этот пакет, а масло Франсуа нашел среди пустых бутылок в углу кухни. Она была заполнена на треть, видна была ее незаполненная часть, и поэтому ее оставили нетронутой. Это был королевский подарок судьбы, осталось найти воду – и можно было пировать.

– Во дворе вода должна быть, – это включился в разговор Сергей. – Прошлую неделю лило, как из ведра, в какой-нибудь емкости вода осталась.

Француз непонимающе уставился на Бориса. Тот пояснил: «Деревенская смекалка». Сергей успел рассказать, что родом из-под Смоленска: «Деревенский я!» – так он представился.

Действительно, они нашли в жестяной детской ванночке, выброшенной хозяевами, несколько литров дождевой воды. У Сергея нашлась и зажигалка. На кафельном полу в ванной развели костер, соорудив подставку для кастрюли. Через полчаса они ели рисовую кашу, заправленную маслом, а еще у них была фляжка, в которой плескался настоящий французский коньяк. Борис налил в уцелевшие кружки каждому по глоточку, на вопросительные взгляды повеселевших собратьев молча крепко завинтил крышку – не время. Они были почти счастливы – таким маленьким счастьем, островком счастья, в ежеминутном море неизвестности.

Они не знали, что для двоих из них этой ночью произошли перемены, которые можно было назвать счастьем всепоглощающим. Американская армия входила в Мюнхен, не встречая сопротивления. Поэтому было тихо. Танки остановились на подступах к центру, улицы прочесывали разведчики и пехота.

Остаток ночи провели в разговорах, больше всех говорил Франсуа. Борис переводил Сергею, пока тот не забылся тревожным сном.

Франсуа Бессон – было его полное имя.

– Я артист, артист варьете: песенки, танцы. Я выступал со своей сестрой в Фоли-Бержер – это кабаре в Париже. Я очень далек от всей этой войны, от армии, от оружия, мы легкие люди.

– А за что в лагерь?

– У нас было в труппе несколько евреев, и мы помогли им спрятаться, а потом переправили в Голландию. Кто-то донес, меня взяли, а сестру, слава богу, не тронули. Ее зовут Арлет. Ты приедешь к нам, и я вас познакомлю, она замечательная.

Борис усмехнулся. Куда он приедет, разве кто-то может ему сказать, куда ему нужно приехать, если он сам теперь не знает, где то место на земле, которое его ждет?

Под утро затих и Франсуа.

Давид Немировский – так звали человека, который подошел к нему в ту ночь, когда он вернулся в гетто, сжимая в руке немецкий штык. Давид был старше всех обитателей их пристанища. Его уважали. Немногословный, очень сильный физически, высококвалифицированный механик. Его не трогали даже немцы. Он работал на складах «Люфтваффы» и считался незаменимым специалистом.

Он забрал у Бориса оружие, куда-то унес, потом вернулся и стал говорить:

– То, что ты сегодня ночью остался жив, бегая по городу со штыком, чудо, и значит, ты зачем-то нужен богу. Мальчик, твое горе невыносимо, но тут все испытывают такие же ужасные страдания. Мы все потеряли своих близких, мы все хотели бы убить этих немцев, этих полицаев и тех, кто бросил их на наше уничтожение. Но это сегодня невозможно. Сегодня надо попытаться выжить тем, кто остался. Это настоящее дело. Это трудная задача, и я хочу, чтобы ты этим занялся. Раз ты все равно бегаешь по городу, так бегай с пользой. Нам нужны деньги и нам нужна еда. Если мы этого не получим, умрут все.

Тот мир, в котором существовало сознание Бориса в эти последние дни, не позволял управлять его физическим телом, и лицевыми мышцами в том числе. Иначе окружавшие его люди в элитной палате клиники «Сан-Жорж» в Ницце могли бы заметить на этом неподвижном лице усмешку.

Усмешка – это не улыбка, это не раздирающий рот смех. В улыбке эмоция уходит в движение и в звук у рассмеявшегося человека. Усмешка концентрирует. Ты проникаешь в глубину ощущений и усмешкой ставишь на них печать утверждения.

Давид нашел правильные слова и развернул энергию мальчишки в том направлении, в котором тот оказался лучшим.

Борька умел находить нужных людей, он легко с ними сходилась и мог безошибочно определить, кто из них скорее других справится с поставленными задачами. Этот природный дар он включил на полную мощь, отдавшись целиком той работе, которую ему предложил и которую контролировал Давид и его сподвижники. Деньги, драгоценности, продукты – этот круговорот нарастал постепенно. В него вовлекались люди на воле: сочувствующие, коммерсанты, полицейские, немцы. Среди последних появились связи, но лезвие ножа, по которому ходил Борис и его команда, с каждым днем становилось острее.

Главным достижением коммуникативного процесса стал контакт с одним из кураторов аппарата обер-бургомистра Риги Хуго Витрока, которому формально подчинялось гетто и который использовал его как источник рабской рабочей силы, гауптштурмфюрером Дитрихом фон Веттином.

Один из знакомых Мишки Шермана рассказал о том, что в двери его квартиры, в тайнике, спрятаны драгоценности: золотые цепочки, медальоны, кольца. Но все это не стоит и сотой части цены одного перстня с алмазом в 8 карат из платины, усыпанной камнями меньшего размера. Борис присмотрел одного шуцмана, деревенского парня, не зверствовавшего, как большинство его сослуживцев. С ним удалось договориться об обмене нескольких золотых колечек на хлеб, чай и сахар. Он не подводил, выполняя договоренность, и по-крестьянски серьезно относился к торгу. Спорил о количестве хлеба за цепочку или перстень без злобы, так, будто торговался на рынке с равным продавцом. Борис рассказал ему о тайнике и поставил условие: если ему удастся проникнуть в квартиру тех, кто поселился в ней в настоящее время, он может забрать все, что там будет, кроме перстня с гравировкой на иврите. И добавил, что это тайник маленький, и если он выполнит договор, то ему расскажут о большом, очень большом. На следующий день перстень был у Бориса. Другого тайника, разумеется, не было. Но шуцман наводку получил. Когда он пришел и рассказал о том, что там, куда его послали во второй раз, ничего нет, Борька устроил ему разнос и обвинил в том, что тот все забрал себе. Будь на месте этого парня упырь покровожадней, все закончилось бы выстрелом в упор, но Борис был уверен в своей психологической позиции и еще не раз давал этому полицая задания, с которыми тот был в состоянии справляться. А перстень послужил для того, чтобы заинтересовать Веттина. Давид рассказал ему об этом немце: не зверь, прагматичный, в прошлом – директор ювелирной фабрики из обедневшего аристократического рода. И Борька сумел найти возможность обратиться к этому офицеру в одно из его посещений гетто, прямо у КПП. В отличие от большинства обитателей этого мрачного места, Залесский выглядел опрятным. Его пиджак был даже в каком-то смысле щегольским. Борис владел безупречным немецким, и когда, уловив момент (гауптштурмфюрер стоял в одиночестве и курил сигарету), он обратился к офицеру с вопросом: «Не сможет ли господин офицер проконсультировать его в одном важном деле?» – остался жив.

Веттин успокоил взмахом руки сопровождающих его автоматчиков, уже поднявших стволы в направлении Бориса.

– Хороший немецкий, – он начал диалог, как нормальный человек. На самом деле этот высокородный немец был крайне удивлен. Впервые еврей осмелился не то что приблизиться к нему не по приказу, но и обратиться. Стало интересно, и он подозвал Борьку к себе.

– Господин гауптштурмфюрер! Простите за мой вопрос, но я знаю, что вы разбираетесь в ювелирных изделиях. Не могли бы вы посмотреть на одно из них?

Дитрих улыбнулся:

– Ты смешной, еврей.

Он оглянулся вокруг, не желая, чтобы кто-то услышал их разговор. Было понятно, что с мелочью этот парень его беспокоить не решился бы, и жестом указал следовать за ним. В помещении КПП находились двое солдат и фельдфебель.

Он приказал им ждать на улице и уселся за стол. Борька положил перед ним перстень. Веттин недоверчиво разглядывал камень и потом спросил:

– Это ведь бриллиант? Ты ведь не собираешься меня дурачить?

– Что вы, господин офицер, это бриллиант чистой воды в восемь карат.

Дитрих продолжил любоваться перстнем. Через некоторое время он произнес:

– Что ты хочешь?

Борис понимал, что сейчас решается его судьба. Или парабеллум, который лежал в кобуре гауптштурмфюрера, через мгновение оборвет его жизнь, или они договорятся.

– Я хочу получить за этот камень 2000 рейхсмарок, это в 20 раз меньше его стоимости. Но в дальнейшем все драгоценности, которые мы сможем, – он помялся, ища приемлемый оборот речи, – сможем вспомнить, где мы их оставили, мы принесем вам, за те же 5 процентов их реальной цены.

Эсэсовец понимал, что даже если убить всех обитателей гетто и провести тотальный обыск, то ему не достанется и малой доли того, что сумеют найти шакалы из местной полиции и немцы из охраны, но и то, что сумеют найти, в свою очередь, будет малой долей того, что эти евреи сумели спрятать и что этот парень сможет принести из тайников за пределами гетто. Он с нескрываемым интересом посмотрел на этого отчаянного парнишку.

– Один промах, одно компрометирующее меня движение, и ты – мертвец!

Борис выдохнул. Он только теперь почувствовал, как взмок от страшного напряжения, но нашел в себе силы спросить о том, как в будущем он сможет встречаться с господином гауптштурмфюрером.

– С вами свяжутся, деньги получите завтра.

«С вами – что он имел в виду? Это он меня «вами» назвал, или он подразумевал целую группу со мной во главе?» – Борька размышлял об этом по дороге к своему бараку.

Он шел, не чувствуя тела. Это был серьезный шаг к выживанию его собственному и многих людей, еще живых, еще населяющих этот лагерь.

Веттин все выполнил с дотошной немецкой аккуратностью. У Бориса появился документ, по которому он получил возможность бывать в городе, с ним общался фельдфебель Ульрих Хеншель, человек Веттина, при этом ни разу в их коротких разговорах этот факт не присутствовал. Имя гауптштурмфюрера не упоминалось ни при каких обстоятельствах.

Никто, кроме Шермана, еще троих ребят, выполнявших чисто физическую работу, и Давида Немировского, не знали, откуда появлялись продукты, которые распределялись среди узников в небольшом количестве и нерегулярно, но они спасли жизни не одной сотне голодных, обессиленных людей.

Эту деятельность команда Бориса продолжала и тогда, когда их перевели из гетто в лагерь «Кайзервальд». Но однажды весной сорок четвертого, ранним утром, перед отправкой на работы их выстроили на плацу. В ворота въехали три черных легковых автомобиля. Из переднего, люксового «Хорьха», вышел генерал Фридрих Еккельн. Небывалое событие и мрачное предзнаменование! Каждое появление этого человека в регионе, как правило, заканчивалось массовыми казнями, спецоперациями, всем, что ухудшало жизнь тех, кого еще не увели к новым могилам. Вслед за ним из машин вышли высокие чины СС и чиновники из аппарата обер-бургомистра Риги. Они следовали на аэродром, но по известной лишь Еккельну причине завернули в «Кайзервальд».

Генерал закурил и о чем-то тихо переговаривался с комендантом лагеря штурмбанфюрером СС Эдуардом Рошманом.

Строй заключенных, как и вся обслуга лагеря, замер в ожидании. И вдруг Рошман, чего прежде невозможно было себе представить, вызвал из строя Бориса, проорав его фамилию через весь плац. Не староста, не помощники коменданта, застывшие по стойке смирно, – сам Рошман. Борис вышел из строя и остановился, повинувшись жесту одного из офицеров. Еккельн подошел к нему и приказал поднять руки. Борис ощутил исходивший от генерала крепкий запах одеколона и только что выкуренной сигары. «Вот и все», – сколько раз он произносил про себя эти слова, но до сих пор беду пронесло мимо, а теперь, похоже, действительно конец. Он видел, как офицер сопровождения, видимо, адъютант генерала, расстегнул кобуру. Еккельн приблизился вплотную и несколько раз провел ладонями по груди Бориса жестом, которым производят обыск. Борька поднял глаза к небу и увидел, что на него смотрит мама. Ее прекрасное лицо было безмятежно, и он улыбнулся. Еккельн отдернул руки и уставился на улыбающегося еврея. Генерал и сам усмехнулся, оценив необычность происходящего.

– Ты что, боишься щекотки?

– Простите, господин генерал, я не должен был позволять себе такое поведение.

Еккельн рассмеялся, и его поддержали застывшие в ожидании офицеры.

Рошман махнул Борису рукой, и тот вернулся в строй. После того как машины покинули лагерь, надзиратели еще долго не решались распустить заключенных, и только когда настало время отправляться на работы, бригадиры развели их по командам.

Кто-то донес о непонятных делах Веттина и встречных потоках ювелирных изделий и рейхсмарок. Еккельн был лично заинтересован в судьбе гауптштурмфюрера. Сложное переплетение карьерных, политических, материальных интересов этих людей коснулось восемнадцатилетнего парня, оказавшегося на перекрестье их судеб.

Борис вернулся в строй. Мишка Шерман похлопал его успокаивающе по плечу. Мишка знал, как близок был его друг к смерти. Вокруг рук Бориса под пиджаком были накручены толстые пачки денег, крепко прихваченные бечевкой. Это их искал Еккельн. Борькина улыбка и мамин лик спасли его и в этот раз.

Глава 3

Мюнхен со страхом и недоумением смотрел в небо обнаженными фундаментами своих разрушенных зданий.

Мимо пустых глазниц его окон уходила предавшая его армия. Уходили те, кто навлек гнев на тысячелетний город. Те, кто готовил катастрофу в его пивных и на его площадях.

Гнев пронзал небо над великим городом тысячами стальных птиц.

Тонны тротила с воем неслись навстречу черепичным крышам. Взрывая пространство, они разрушали старинные фасады, обрушивая этажи, превращая дома в кирпичную крошку и пыль. Столетиями предки тех, кто сегодня покидал город в серых колоннах под натиском победителей, возводили улицы и кварталы, наполняли их человеческим присутствием. Поколение за поколением наносили на уют своих жилищ патину преемственности. Город был потерян, беззащитен, он протягивал свои разорванные провода к тем, кто заполнял его площади гулом «студебекеров», дымом полевых кухонь, незнакомой речью. Он надеялся на этих людей, он надеялся.

Перед окнами со стороны улицы стоял «Виллис», за ним, скрежеща по кирпичной крошке широкими гусеницами, затормозил танк с белой звездой на башне. С его брони соскочили трое солдат, они держали свои «спрингфилды» наизготовке и ждали команды от офицеров, находившихся в джипе. Было видно, что и те напряженно осматривали прилегающую территорию, сжимая рукоятки снятых с предохранителей «кольтов».

Франсуа шептал притаившимся у окна товарищам:

– Давайте выйдем! Это ведь американцы.

Борис останавливал: слишком рискованно было просто выйти к готовым стрелять при малейшей опасности бойцам. Хотелось убедиться в том, что они не ошибались. Они впервые видели эту технику и этих солдат в незнакомой форме. Но после того как удалось разглядеть на рукавах их курток американский флаг, сомнения отпали. Да, было очевидно, что город заняли американцы, и было бы глупо в этих обстоятельствах погибнуть по недоразумению. Борис послал Сергея за простыней, и они вывесили этот импровизированный флаг в окно. Их внешний вид у американцев не вызвал никакого недоверия: пленных из окрестных лагерей они повидали немало, насмотрелись на ужасы лагерного устройства – и вышедшую к ним тройцу окружили, сочувственно хлопая их по плечам, угощая сигаретами и первыми попавшимися под руку частями сухого пайка.

Офицеры, сидевшие в джипе, подозвали лагерников к себе и задали им несколько соответствующих ситуации вопросов. Борис рассказал о том, как они спаслись, после того, как завод, где они работали, был уничтожен, рассказал, из какого они лагеря, и представил своих товарищей. Капитан, видимо, старший из экипажа, объяснил, куда надо идти, чтобы получить помощь и зарегистрироваться в полевом сборном пункте приема военнопленных. Он спросил Бориса, откуда такой английский и говорит ли он по-немецки. Когда узнал, что тот владеет еще и французским и русским, то протянул ему руку и представился:

– Стивен Тейлор. Вы можете оказать нам услугу и после того, как зарегистрируетесь, найдите меня по этому адресу.

И он написал ему свое имя и адрес дислокации его подразделения на вырванном из блокнота листке.

Перед тем, как отправиться к пункту сбора освободившихся из лагерей заключенных, Борис подошел к разрушенному заводу. Неужели Шерман нашел под этими развалинами свой покой в эти последние часы длинного пути? Они вместе прошли этот путь. После того, как лагерь в Кайзервальде прекратил свое существование, осенью 44-го их на барже перевезли в Польшу и затем гнали маршами с небольшими перерывами в Германию. Они прошли пешком

сотни километров. Из каждой команды в конце такого марша едва оставалась половина. Если на пути попадались речушки, они сбивали для охраны плоты, а сами шли вброд. Они с Мишкой раздевались и несли одежду на вытянутой руке, выживали, одеваясь в сухое на другом берегу. Большинство не в силах было так поступать, и многие в этих водах оставались навечно. Охрана стреляла по проплывающим трупам, исключая возможность побега. Стреляли по окоченевшим лицам с устремленными в холодное ноябрьское небо мертвыми глазами.

В нескольких кварталах от их временного убежища они нашли устроенный американской администрацией сборный пункт. Два полуразрушенных складских ангара были до отказа заполнены людьми.

Дырявую крышу латали, ползая на верхотуре, видимо, добровольцы из прошедших регистрацию. Никому не хотелось оказаться под дождем, а нависшие над городом кучевые облака обещали его в скором времени. Никто не знал, сколько им придется пробыть в этом месте. Две полевые кухни осуществляли бесперебойное снабжение изголодавшихся вчерашних обитателей лагерей кашей, хлебом, горячим супом, тушенкой, чаем с сахаром, и переваривать все это в тепле было для них естественным желанием. Американцы выделили для ремонта кое-какой строительный материал и инструменты, а то, чего не хватало, тащили из разрушенных зданий, в избытке окружавших ангара.

Очередь к нескольким столикам со стопками анкет, с писарями и сержантами, проводящими первичное собеседование, двигалась медленно и, оставив стоять в ней Сергея, Франсуа с Борисом вышли покурить, благо сигаретами их одарили сверх меры. Борис смотрел на своего спутника. Они оба были заросшими, небритыми, измученными, все в тех же грязных, изорванных лагерных лохмотьях, но француз был уже другим человеком. Он говорил, держа в здоровой руке сигарету, зажатую между указательным и средним пальцем. Он жестикулировал, и его кисть описывала пируэты танцора, певца, она венчала его возбужденные пассажи, словно корона победителя. Несколько часов назад эти жесты были жестаами защиты, настороженными, пугливыми, закрывающими голову от опасности, которая окружала его со всех сторон.

Только теперь, наблюдая за преображением Франсуа, Борис ощутил происходящее в полной мере. Они свободны, и перед ними открыты бесконечные просторы, тысячи дорог, но не счастье, а печаль тоскливой нотой зазвучала в сознании: тысячи дорог неизвестности, пустоты, не заполненной теплом близких ему людей. «Я разберусь с этим потом. Я разберусь».

После того, как все трое заполнили анкеты, ответили на вопросы и были отправлены ожидать дальнейших указаний, они нашли в пространстве между ангарами укромный уголок и разлили остатки коньяка по кружкам, которыми их снабдили у полевых кухонь. Выпили молча за тех, кто не дожил.

Сергей сказал, что его направили к доктору в развернутый неподалеку госпиталь. Он до сих пор почти ничего не слышал, все время болела голова. Идти не хотелось, думал только о возвращении домой к матери, но все-таки отправился по указанному адресу. Договорились вечером собраться и обсудить дальнейшие планы. Но еще раз увидеть Сергея им было не суждено.

В госпитале находился представитель советской группировки войск, и он формировал из оставшихся в живых соотечественников команды, которые грузили на американские грузовики и увозили в зону, занятую советскими войсками. Врач осмотрел Сергея, дал ему пузырек с какими-то каплями и рекомендовал покой, желательно постельный режим. В кузове «студебекера» уже почти не было места, но ему подали руки, и он оказался среди таких же уцелевших бывших солдат, офицеров, нескольких молодых ребят, угнанных на работы в Германию из России. Люди были возбуждены. Ожидание возвращения к своим, возвращения домой. Говорили, не слушая друг друга, перекрывая гул работающего двигателя, о том, куда они направятся, кто их ждет, чем займутся в первую очередь.

Через три часа пути машину встретили советские солдаты: свежие лица, уверенные, веселые, вместо петлиц погоны, у многих автоматы ППШ, не так, как было в начале войны – пара штук на роту. Сергей жадно вглядывался в окружающую его картину. Совсем иначе выглядела сегодняшняя армия, чем тогда, в сорок втором, под Ржевом, когда его, раненого, взяли в плен. И техника! Самолеты уже приходилось видеть в небе над Германией. Такую гордость, такое восторженное чувство испытывали русские за колючей проволокой, когда краснозвездные крылья победно пронеслись над их головами. А тут колонны танков, артиллерия и вместо полуторок «студебекеры» с гаубицами на прицепе, с катюшами под брезентом. На такой грузовой «студебекер», но уже с русским водителем, их и пересадили.

Пока сопровождающий передавал документы на прибывших, народ в кузове притих. Водитель, сержант с погонами родной пехоты, в ответ на их радостные приветствия постоял, мусоля мундштук папиросы, хмуро окинул их взглядом и молча уселся в кабину. Бойцы, окружившие машину, не сразу разобрались в том, кто находился на ее борту, а когда поняли, улыбки исчезли. Большинство просто отошли, тоже не реагируя на попытки заговорить, а один задержался и показал рукой, как на шее затягивается петля. Разговоры стихли, недоброе предчувствие охватило всех. Слухи о том, что бывших военнопленных на Родине не чествуют, доходили до них и прежде, но верить не хотелось, не могли с ними, настрадавшимися, чудом выжившими, так поступить свои. И вовсе помрачнели их лица, когда в кабину к водителю сел капитан с синим околышем, а на борт – два автоматчика, с теми же знаками отличия НКВД.

Их везли еще два часа и высадили в небольшом местечке у города Цвиккау.

Разместили под открытым небом за колючей проволокой, сообщили, что это временно, до ознакомления с каждым из них персонально. Накормили кашей и чаем, но еда не лезла в горло. Неужели снова лагерь? В тысячу раз обидней оказаться за колючей проволокой у своих.

Сергея вызвали к вечеру. В кабинете за письменным столом сидел молодой офицер – капитан, разговаривал поначалу вежливо, записал все анкетные данные: имя, когда оказался в плену, в каком звании, и вдруг, тоже так вежливо, даже сочувственно: «С каким заданием прибыл к нам?»

Сергей старался отвечать как можно точнее, рассказал, что был без сознания, пока двое солдат из его взвода не привели его в чувство. Ребята тоже все в крови были, и тут немцы: одного сразу застрелили, он идти не мог, ступню раздробило, а их двоих в колонну военнопленных затолкали прямо на ходу. Так и оказался в лагере.

Когда капитан спросил его про задание, Сергей подумал, что тот пошутил и ответил:

– Задание у меня простое – к маме, в село наше вернуться, товарищ капитан!

И вот тут капитан этот совсем по-другому заговорил. И про то, что товарищ ему тамбовский волк, и что все вы – предатели.

– К маме хотите, под юбку, а мать ваша – Родина, и вы ее за немецкую пайку продали.

Тут у Сереги так голова заныла, что испугался, что в обморок свалится, и не выдержал, пожаловался, попытался рассказать о контузии, о том, что американский доктор капли прописал, а их у него конвойные отобрали.

Капитан, Игорь Виноградов, был в дурном настроении. Третий день его мучили две вещи. Капитана ему присвоили неделю назад, а третьего дня он обмывал звание. И все было замечательно до того момента, пока, уже изрядно набравшись, его однокашник Женька Гапоненко не присел к нему и не взял его за шею, чего Игорь терпеть не мог, и, брызгая слюной с вымазанных жирным губ, прогундосил:

– Ты, Игорек, в нашей волчьей стае неродной, и хоть я тебя со звездочкой поздравляю, партия и командование тебе доверие оказывает, а все ж сцыкливый ты для нашей работы, маменькин сынок, как был им, так и остался.

Женька знал его еще по школе, оба были из Ленинграда, жили в одном районе и учились в одной школе в разных классах. Мать Игоря преподавала математику, а Женькина мамка в

этой же школе работала уборщицей, и, как догадывался Игорь, это и было причиной вечной Женькиной неприязни. Они не виделись несколько лет, и надо же было судьбе так распорядиться, чтобы столкнуть их в одном месте и в одном подразделении особого отдела.

Женька был коренастый, сильный парень, с рыжинкой, веснушчатый. Если что-то брал в руки, то цепко – не выпустит. Ел громко, не то чтобы чавкал, но так с силой из того, что в рот заталкивал, всю влагу высосет, и потом уже причмокнет. Игорь не выносил его, старался в столовой подальше от своего земляка место найти, но не пригласить обмыть звание нельзя было. И вот это паскудное слово с паскудных губ – «сцыкливый».

Ну и Ленка – это вторая заноза! Вертлявая хохотушка, официантка офицерской столовой. Голоногая, в коротком, постоянно распахивающемся белом халатике, притягивала его, возбуждая самые грубые фантазии истосковавшегося по женскому телу мужчины. Игорь был высоким сухошавым брюнетом, мог бы сойти за красавчика, портила его внешность некоторая тонкость шеи и непропорционально большой, выступающий из этой тонкости кадык. Он не понимал женщин, не умел с ними разговаривать, не умел рассмешить шуткой, но ему казалось, что их отталкивала именно эта деталь, этот выступающий кадык. Он, как волнорез, заставлял не касаясь огибать его, Игоря Виноградова, волной женского участия. Он даже зиму любил больше за то, что шинель и шарф скрывали этот так беспокоивший его недостаток. Игорь недавно был переведен со штабной на оперативную работу, и общение с этим «контингентом», представитель которого сидел перед ним, было для него испытанием.

Женька точно подметил: Игорь не мог вести себя так, как его сослуживцы, давно набившие руку на получении нужных показаний от бессловесных, испуганных людей.

– Я любого расколю за 10 минут, – хвастался Гапоненко и показывал свои два этапа собеседования: первый – удар с разворотом от несознательного клиента локтем в печень, когда тот не ждет атаки и, если этого недостаточно, – второй, ломающий ключицу, отработанный, рубящий, ребром ладони. И этому животному Ленка, обходя с подносом их столик, позволяла хлопать ее по аппетитной заднице и, судя по скабресной ухмылке на Женькиной роже, и все остальное тоже.

В эту ночь капитан Виноградов плохо спал. Он настраивал себя на «суровое». Он должен показать, что он – не «сцыкливое» ничтожество, и у него внутри есть стальной стержень.

В кабинете, который ему отвели в здании бывшей местной префектуры, практически не было следов погрома. Сохранилась вся мебель и кой-какая утварь, а в одном из ящиков стола и вовсе роскошная вещь – пресс-папье серого мрамора с точеной бронзовой ручкой.

Вот этим шикарным предметом он и выбьет признание у очередного предателя Родины. Игорь ведь, по сути своей, воспитанный мамой педагогом, был эстет. Бить рукой, касаться их грязных тел, испачкаться в крови – это для Гопоненки. Он завтра покажет, как можно вести допросы, как добиваться признаний. Он покрутился перед зеркалом. Движения должны быть мужественными, решительными, но элегантными. Этот лагерник – бык, а он – тореадор. Да, так будет хорошо, жестко и справедливо.

Слушая путанный рассказ Сергея, Игорь кружил вокруг него, перекладывая из одной руки в другую это мраморное с бронзой изделие немецких мастеров. В нем нарастало раздражение, никак не получалось набрать градус необходимого остервенения, очень уж безобидно, смиренно этот парень себя вел. Но вот момент: американский врач, пузырек с каплями – это же прямое подтверждение вины, отраву нес. И разгоняя себя, свирепо навис над испуганным парнем: «Отраву нес в колодцы, падаль, говори, тварь!».

И пришло это чувство освобождения, чувство своей законной беспредельной власти над жертвой. Красиво не получилось, от постоянного перекладывания в потных руках пресс-папье легло непослушно, не всей поверхностью мрамора, прикрытой промокательной бумагой, по остриженному черепу арестанта, а как-то боком, углом, и удар, отрепетированный в ночи, смазался и оказался сильнее, чем предполагал Игорь. Сергей упал на бок, замолчав на полуслове,

и, когда капитан пнул его несколько раз сапогом, продолжал лежать. Капитан вызвал своего ординарца – сержанта Потапенко, который обычно мордобоем и занимался и был крайне удивлен тем, что в этот раз Виноградов оставил его за дверью.

Игорь скомандовал, брезгливо отодвигаясь от неподвижного тела:

– Приведи в чувство и отправь под охрану. Отраву, гад, хотел в часть пронести. Чуть надавил на него – и готов, раскололся.

Игорь знал, Потапенко о случившемся разнесет по всему гарнизону – и пусть, пусть утрется эта сволочь Гапоненко. И эта лярва – Ленка! Может, испугается и посмотрит на него другими глазами, испуганными, вот такую, испуганную, он ее и хочет. Сержант склонился над Сергеем и через некоторое время поднял на командира удивленные глаза. Игорь нетерпеливо махнул рукой – уводи.

Но Потапенко показал на лежащего арестанта и произнес:

– Так ведь он того, трупак.

Игорь уже сидел за столом, когда до него дошло, что он убил этого человека. Пресс-папье лежало прямо у его руки, он отбросил его нервным движением и почувствовал, что его всего трясет. Это было видно и сержанту. Виноградов, понимая это, изо всех сил пытался унять непонятно откуда взявшуюся трясучку. Еще хуже стало, когда он закричал, чтобы Потапенко бежал за врачом. Голос сорвался, дал петуха, и Потапенко, выходя в коридор, еще при открытой двери внятно ругнулся: «Вот сцыкло».

Борис шел в направлении центра, огибая завалы. В кучах битого кирпича и бетона копошились жители этих районов в надежде разыскать то, что, возможно, уцелело из их прошлого, еще не разрушенного мира. Он искал здание Фюрербау, в котором расположилась американская администрация – так было написано на листке, оставленном ему капитаном Тейлором.

У входа в монументальное здание, выстроенное в стиле псевдоклассицизма, удивительным образом не пострадавшее от бомбовых ударов, часовой прочитал поданную Борисом записку и передал ее сержанту в караульную комнату. Через некоторое время к нему вышел сам капитан. Он коротко поприветствовал своего протеже и отдал распоряжение сопровождавшему его вестовому – отвести Бориса в хозяйственный отдел, пройти санитарную обработку и получить комплект обмундирования.

Горячие струи настоящего душа, настоящее мыло! Невообразимое наслаждение от ощущения чистого тела. В окошке вещевого склада ему выдали шерстяную рубаху и брюки хаки, куртку коричневого цвета, полотняные гетры и невысокие коричневые ботинки.

Когда он вошел в кабинет Стивена Тейлора, тот не сразу его узнал:

– Ну вот, теперь вижу, как выглядит человек, который владеет столькими необходимыми в нашем деле знаниями. Если ты действительно такой полиглот, то работы у тебя будет невпроворот. Но прежде необходимо поговорить с ребятами из отдела, в котором тебе будут задавать много разных вопросов, а ты должен будешь на них отвечать со всей имеющейся у тебя искренностью. Впрочем, я вижу, что не ошибся, у меня глаз наметанный, но порядок есть порядок. Тут заведение серьезное, и времена, сам понимаешь. Выяснение всех вопросов, связанных с твоей биографией, займет несколько дней, поживешь пока в нижнем этаже, в комнатах для персонала.

Несколько дней по два-три часа в одном из кабинетов занятого американской администрацией здания Фюрербау длились собеседования. Двое в гражданском и один офицер попеременно задавали вопросы на трех языках: немецком, английском и французском. После нескольких первых собеседований (слова допрос в подобных случаях избегали) официальный тон общения со стороны представителей спецслужб стал более дружественным. Борис отвечал на все интересующие их вопросы спокойно, лаконично, лишь изредка проявляя эмоции. После того, как процедура была закончена, прошло около недели, и в один из дней его вызвали в

офис службы безопасности администрации. Его встретил офицер военной разведки в звании капитана.

Он сообщил о том, что сведения, проверенные их департаментом, подтверждают ту информацию, которую они получили от Бориса за эти дни. Он выразил сочувствие трагедии, постигшей его юного собеседника, и извинился за необходимость столь длинного списка вопросов, которые они вынуждены были ему задавать в ходе ознакомления как потенциальному сотруднику администрации.

В свободное от этих собеседований время Борис был предоставлен самому себе. Несколько раз он возвращался к руинам завода «Сименс» в смутной надежде прояснить судьбу тех, кто погиб под обрушившимися стенами. С первых дней прекращения боевых действий и взятия города под контроль американцами тысячи людей вышли на расчистку завалов. Сотни жителей Мюнхена трудились и на разрушенном заводе. Но никаких сведений Борис от них получить не смог. Заходил он и в тот дом, который послужил им на некоторое время убежищем. Он так и стоял пустым и неприбранным. В одной из комнат в вентиляционном люке Борька спрятал парабеллум, который в тот, последний день плена, взял у погибшего немецкого офицера. Он не мог выйти к американцам с оружием и решил оставить пистолет в укромном месте, на всякий случай. Носить его при себе теперь, учитывая новые жизненные обстоятельства, было невозможно и опасно. Опасно еще и потому, что он не был уверен в том, что при случае не применит его. В Мюнхене было достаточно целей для человека с его историей. И он положил парабеллум обратно.

Лучшим в эти дни были встречи с Франсуа. Он ждал разрешения покинуть зону ответственности американцев и уже списался с сестрой. Ей удалось передать ему через французское представительство посылку, и Франсуа щеголял в сером, крупной вязки, свитере, под цвет к нему, мягких шерстяных брюках, заправленных в короткие остроносые сапожки. Он рассказывал Борису бесконечные истории из своей богемной жизни, сопровождая их стихами, песенками и театром движений своего подвижного, тонкого, гибкого тела. Он был первым человеком, который сумел отвлечь Бориса от тяжелых мыслей, по-настоящему развеселить его, вернуть хоть какую-то часть того, довоенного мальчишки.

Они очень сблизились, и в тот день, когда Франсуа покидал Мюнхен, он заставил своего друга поклясться, что как только тот получит возможность свободно передвигаться, он приедет в Париж и найдет его по какому-нибудь из написанных им в специально купленном блокноте нескольких адресов, центральным из которых было кабаре «Фоли-Бержер».

Через две недели после того, как Борис впервые перешагнул порог административного здания Фюрербау, началась его трудовая деятельность.

Стивен Тейлор привел его в кабинет к майору Алану Стюарту:

– Это мой вам, Алан, обещанный подарок! Парень, у которого в совершенстве три языка и вполне сносно – еще два.

Алан Стюарт – пятидесятилетний мужчина спортивного склада, виски чуть тронуты сединой, умные глаза аналитика. Он встал из-за стола, подошел к Борису и пожал ему руку. Очень тепло поприветствовал, совсем не по-военному. Сказал, что наслышан о его судьбе и очень ему сочувствует, что у него сын, такого же возраста, успел побывать на фронте в самом конце войны и, к счастью, остался цел. Когда Тейлор покинул их, Алан пригласил Бориса за стол, вызвал своего вестового, и тот организовал чай и сэндвичи с ветчиной, несколько из которых он сам уложил Борису на тарелку.

– Знаешь, – Алан сразу перешел на отеческий тон, – когда вижу людей, прошедших этот кошмар, всегда хочу их накормить. Ты прости – это как помешательство. Но сэндвичи, которые нам тут готовят, действительно очень вкусные.

Алан как-то виновато пожал плечами и, словно приглашая следовать его примеру, торопливо откусил от лежавшего перед ним бутерброда солидный кусок. Борис успокоил его, с удо-

вольствием расправившись с парочкой со своей тарелки. В самом деле, такой ветчины им в столовой администрации не предлагали.

– Ты будешь помогать нам, – продолжил Стюарт, – в работе с разного рода подозреваемыми. Большинство – бывшие военные, но будут и гражданские, которые помогали их спецслужбам, партийные функционеры, люди из лагерей для перемещенных лиц. Там много мутного, могут прятаться и матерые преступники. Но мы, друг мой, все-таки второстепенная инстанция, скорее вспомогательная, настоящие «бонзы» – это для парней из ЦРУ.

– И еще, Борис, – объяснял ему Стюарт, – ты столкнешься с историями, которые тебе могут показаться бесспорно достойными уголовного преследования их героев. Большинство тех, кто будет стоять перед нами в этом кабинете, либо были непосредственными участниками боевых действий на стороне гитлеровской армии, либо обслуживали эти действия в тылу, либо принимали участие в промышленном производстве, связанном со снабжением этой армии всеми видами необходимой для ведения боевых действий продукцией. Но, видишь ли, всем этим занимались процентов девяносто жителей этой несчастной страны. И разумеется, не все они были преступниками в юридическом смысле этого слова. Я понимаю, тебе и таким, как ты, перенесшим все ужасы, связанные с действиями гитлеровцев, хотелось бы прямо в этом кабинете приводить приговоры в исполнение. Кстати, тебе, как и всем сотрудникам нашего подразделения, положено оружие, для того, чтобы, перемещаясь по городу по делам службы и в свободное время, ты мог в случае чего защитить себя. В городе немало опасных для нас элементов.

С этими словами майор выдвинул один из ящичков своего стола, достал оттуда и положил перед Борисом вороненый ствол, стандартное оружие унтер-офицерского и офицерского корпуса американской армии – «Кольт М 1911А1».

– Так вот, я скажу тебе, сын мой, – это прозвучало без нажима и как-то мягко легло на слух сидевшего напротив него молодого человека. – Ты можешь испытать непреодолимое желание использовать этот пистолет в подходящей ситуации, но если это не будет вызвано прямой угрозой жизни, тебя, скорее всего, арестуют. К тому же я вижу, что ты не тот человек, который будет удовлетворен подобной акцией. Ну и, наконец, твоя помощь в выявлении тех мерзавцев, которых тебе хотелось бы пристрелить в каком-нибудь укромном месте, в ходе нашей совместной работы даст реальный эффект в достижении твоей цели наказать их, но по закону. В тюрьме у тебя такой возможности не будет.

Всю эту нравоучительную тираду Алан выдал на одном дыхании. Посчитав, что этого его выступления на первый раз достаточно, он обратил внимание на стоящую перед ним тарелку и с аппетитом съел сэндвич, запивая его уже остывшим чаем.

Борис за все это время не проронил ни слова. Он понимал, что майор был искренним, что он был прав, и Борис был ему за это благодарен. Он взял в руки «кольт», провел пальцами по его коричневой пластиковой накладке на ручке и вдруг, неожиданно для себя, видимо, в знак этой благодарности, рассказал о том парабеллуме, что лежал в вентиляционном люке нежилого дома. Стюарт отнесся к этому спокойно и просто посоветовал принести этот пистолет в оружейную комнату и сдать как находку.

Около шести месяцев Залесский переводил показания разнокалиберного контингента обвиняемых, подозреваемых и свидетелей. Он выработал в себе при допросах необходимую степень отстраненности от личностей конкретных людей для беспристрастной оценки их действий. К этим очень часто безошибочным оценкам офицеры, участвовавшие в допросах, со временем стали относиться со все возрастающим вниманием.

Однажды в конце рабочего дня Алан Стюарт, наслушавшись показаний нескольких свидетелей по одному из затянувшихся дел, сказал Борису:

– Видишь, непосредственно преступников не так уж много, зато полно идиотов. Ужасно, что так легко оказывается манипулировать сознанием людей. Ты видел в документальных съем-

ках этого Адольфа? Настоящий говнюк, параноик, урод! А бабы от восторга в обморок падали, когда он своим визгом вводил их в исступление. Это все – пропаганда! И кто у них был главным в этом деле? Тоже урод, карлик, это ничтожество – Геббельс.

Как он сумел добиться такой промывки мозгов? Наглой и подлой пропагандой. Впрочем, такое возможно в любой стране, где к власти приходит один человек или клан, для которых судьбы людей ничего не значат.

Алан не мог успокоиться после того, как совсем мальчишки, 14–15-летние пацаны, глядя на него исподлобья, отказались отвечать на вопросы и идти на какое-либо сотрудничество в ходе допроса их старшего товарища – партийного функционера, которому были предъявлены серьезные обвинения.

Все это время в городе проводились восстановительные работы невиданного размаха. Харизматическая личность, Томас Виммер, бургомистр Мюнхена, организовал знаменитые акции по расчистке руин. Они вошли в историю под названием «Рама Дама».

Поток «клиентов» майора Стюарта к этому времени значительно уменьшился, и Борису предложили работу переводчиком для американских подрядчиков, которые приняли активное участие в восстановлении города. Алан Стюарт порекомендовал Залесского своему другу и дальнему родственнику, бизнесмену Клиффу Грину. У того не было времени на длинные разговоры, и кадров, способных в непростых условиях первых послевоенных лет решать задачи, выходящие за рамки обыденности, не хватало. Так что он пригласил Бориса к себе и сказал:

– Молодой человек, вас мне рекомендовал близкий и высокоуважаемый мною человек. Он уверен, что вы способны к организационной работе в условиях, когда надо будет принимать самостоятельные решения в очень непростой обстановке. С кругом задач, с профилем нашей деятельности вас познакомят мои специалисты. Но они пробудут тут только то время, которое необходимо для запуска нашей деятельности в Германии. Основное место их работы в Нью-Йорке. Мы договоримся так: если через месяц я не повышу вам жалование, то вы можете считать себя уволенным.

Борис усмехнулся. «Самостоятельные решения в непростой обстановке». Знал бы этот господин, что такое непростая обстановка!

Через месяц мистер Грин повысил оклад Залесскому в три раза. Он понял, что знание языков – всего лишь один из многочисленных плюсов этого молодого парня.

В конце сорок шестого года компания мистера Грина решила открыть в Германии оптовую торговлю товарами первой необходимости, в ассортимент которых входили хозяйственные товары, средства личной гигиены и товары для детей. Борису предложили стать одним из соучредителей этого бизнес-проекта. К складам компании в Мюнхене со всей Германии потянулись владельцы открывающихся маленьких магазинчиков, ларьков и рыночных павильонов. Темпы роста оборотов предприятия превзошли все ожидания. В результате в банке «Bank of America» у Бориса Залесского впервые в его жизни появился личный счет.

Целыми днями он был занят в круговерти встреч, заключения договоров, оформления заказов, составления отчетов учредителям, а потом и Совету директоров компании, стремительно превращающейся в холдинг многопланового крупного бизнеса.

Но были и вечера, в которые он оставался один, когда все, чем он занимался, отстранялось от него, вывешивая между ним и действительностью тонкую неуловимую завесу, сквозь которую все, что он с такой энергией в горячке бесконечного потока принятия решений совершал, оказывалось чужим, не задевающим его глубинной сущности.

Он сидел у стола в своей небольшой однокомнатной квартире, предоставленной ему компанией, покачивая в руке стакан с ирландским виски, пытаясь уловить тонкости своих душевных порывов. Дело, которым он занимался, не было его делом. Это ощущение приходило в такие вечера непреложным убеждением. Но как изменить эту реальность? Где то, что поможет ему выбраться из тумана неопределенности?

Он не знал. Его прошлое, его семья стояли рядом безмолвно, не давая ответа на кружившиеся вокруг вопросы.

И – Байба! Она танцевала в голубом трико в невесомости его любви, его нескончаемой тоски.

В ту последнюю беседу с Аланом Стюартом он на вопрос о своих пожеланиях попросил лишь об одном – узнать о судьбе Байбы Броки.

Через некоторое время Алан сообщил ему, что она и вся ее семья были высланы из Латвии вместе со многими тысячами ее соплеменников в отдаленные районы Сибири, как коллаборационисты. Ее отцу припомнили работу в период немецкой оккупации в муниципалитете Риги.

Следы их затерялись в сложной бюрократической системе государственных структур, и никаких иных сведений ведомство майора Стюарта предоставить не смогло.

На Новый год Франсуа прислал открытку с поздравлениями. На открытке были изображены елочные шары, зажженные свечи и снежинки. Все это – на фоне парижской улицы с красными и зелеными маркизами над входами в кафе, деревьями вдоль тротуара и иллюминации и разноцветной толпы прохожих.

Он рассматривал её, сидя у стойки в баре, на нижнем этаже офисного здания. К нему подседа Моника Забейда, девушка из отдела маркетинга.

Она заглянула через его плечо и, качнув перекинутой через коленку ножкой, понимающе усмехнулась.

– Твои друзья?

Борис промолчал, лишь утвердительно кивнул. Моника попросила показать ей открытку поближе. Некоторое время она пристально рассматривала эту новогоднюю сказку, а затем, прищурившись, стряхнула пепел с сигареты и низким голосом произнесла:

– Париж затягивает, это – сладкое болото, и это – лучшее место, где мне удалось в жизни побывать!

У них был короткий роман. Моника была старше него почти на десять лет. Красивая, умная, независимая, американка, она испытывала постоянный переизбыток мужского внимания в преобладающем мужском окружении, но приучила поклонников к тому, что сама решает, кого к себе приблизить, и тем создала между собой и ими зону собственной безопасности.

Борис вызвал её интерес своей отстранённостью от действительности. Он отличался от её соплеменников какой-то непонятной несогласованностью его активной деятельности, неожиданной в таком юном возрасте цепкостью в решении задач, и холодностью в общении. На вечеринках, которые в конце каждой недели устраивали сотрудники офиса, он если и присутствовал, то недолго, никогда до конца. Выпивал пару кружек пива, иногда виски, мог перекинуться парой фраз с коллегами и уходил к себе, вежливо пожелав всем доброй ночи. Её напору не сопротивлялся, ответил на ласки страстно, вёл себя так, будто вернулся к забытому, но хорошо знакомому, доставлявшему ему настоящее удовольствие, делу. Через некоторое время она почувствовала в его поведении охлаждение и сама перевела отношения в русло: она – все понимающая мамочка, он – её подопечный сынок. «Есть желание – я к твоим услугам, нет – просто поговорим». На самом деле, её глубоко задело так быстро пришедшее безразличие, но и обиды к нему Моника не испытывала. Она чувствовала, что дело не в ней. Он ничего не говорил о своём прошлом, но она знала из разговоров о том, что пришлось этому парню пережить. Поэтому конфликта не случилось. И он, понимая всю сложность их отношений, испытывал к Монике одну лишь благодарность.

Всю свою жизнь он будет измерять чувства к женщинам той глубиной, которой достигала его первая любовь, пронзая все его существо ни с чем не сравнимой силой влечения. Он не мог объяснить словами это ощущение самому себе, как он мог сделать это в отношении другого человека, даже такой умной женщины, как Моника.

Вечером, вернувшись в свое однокомнатное убежище, он положил открытку на стол и, продолжая всматриваться в контуры зданий, в овалы высоких окон, в фигуры прохожих, чувствовал, что озарение где-то рядом. Эта река, этот поворот ускользает от него, но он рядом, совсем рядом.

Ночью ему приснился Сергей. Он стоял у того приютившего их здания напротив разрушенного завода, опустив руки вдоль тела, и смотрел вдаль. Лицо его ничего не выражало, но весь его облик, безвольно опущенные руки, лагерные лохмотья источали невыразимую тоску. Борис проснулся с тяжелым чувством. Часы показывали половину третьего ночи. Он закурил, налил себе виски, но тревога не оставляла. Подумал о Франсуа. Кто ещё есть в его жизни, к кому он смог бы «прилепиться»? Заветное слово заставило плеснуть в стакан еще. Спиртное его не брало. Он пододвинул к себе открытку, и вдруг эта картинка ожила! Ему захотелось оказаться на этой улице, среди этих людей в их живописной толпе. Ощущение было таким жгучим, что он его испугался.

И тут обрушилось – он больше не может находиться в Германии, в этом была вся проблема. Он не хочет быть в этой стране! Слово морок отпустил его, словно разморозило, развеяло туман, в котором он жил эти пару лет. Чувство было настолько сильным, что он уже не мог лечь в постель. До утра бродил по улицам, с каждым днём приобретающими все более жилой вид. Он смотрел на дома, на освещенные витрины уже появившихся магазинов и понимал, что этой ночью он прощается с Мюнхеном, надолго или навсегда, но он покинет Германию немедленно.

Французская Ривьера! Очарование июльского курортного сезона. В воздухе витало ожидание любви, случайной встречи. Ищущие глаза, его и ее. Обнаженные соискатели пляжных откровений, расслабленные тела прекрасных дам – этих женщин, которые находятся на отдыхе, когда они лишены повседневных забот и когда они счастливы.

Он любил эту карнавальную атмосферу вечного праздника, где он был королем, милостиво позволявшим окружать себя многоцветной, шумной, веселой вереницей его новых и старых друзей, знакомых, случайных попутчиков, партнеров в пляжных играх.

Он любил слово ЭЛЕГАНТНО и все, что было связано с его значением. Рестораны с белыми колоннами, террасой, выходящей к пляжу, с видом на бирюзу морского простора, с вышколенным обслуживающим персоналом, умело сочетающим профессиональное достоинство с проявлением подчеркнутого уважения к завсегдатаям их заведения. Элегантной должна была быть его машина и яхта, которые он выбирал, не интересуясь их техническими характеристиками. И конечно, женщины. Женщины на Ривьере: широкополая шляпа, невесомое белое платье, развевающееся на ветру, не оставляющее сомнений в том, каким является ее гибкое, загорелое тело, созданное для восхищения и желания.

Жарким июльским днем в кабинете главного врача клиники «Сан-Жорж» в прохладе кондиционированного воздуха Жозетт и трое сыновей Бориса Залесского слушали доктора Андре Бланка. Он подробно описал родственникам ситуацию, в которой находился его подопечный, высказал свою точку зрения на вероятный ход интенсификации лечения и, в случае удачного выведения больного из комы, дальнейших этапов восстановления. В кабинете находился еще один доктор, пожилой человек, профессор и хозяин этого кабинета. Он знал Бориса много лет, знал и всех присутствовавших.

Профессор поручил наблюдение за пациентом своему преемнику, человеку сравнительно молодому, но блестящему специалисту, знатоку всех последних инноваций в области терапевтической медицины.

И у него тоже была точка зрения, своя, основанная на очень долгом пути среди бесконечного моря человеческих надежд и разочарований.

Он ответил на обращенные к нему взгляды близких Бориса:

– Доктор Бланк многое вам объяснил, он продемонстрировал вероятный план действий, по которому нужно будет пройти множество процедур, включающих оперативное вмешательство, с непредсказуемыми последствиями, при минимальных, но возможных шансах продления жизни. Это путь страданий, и вы должны принять решение, приступать ли нам к исполнению этого плана. Я же выскажу свою точку зрения. Она проста: оставить Бориса в покое, обеспечив ему лучший из возможных уход, при котором страдать он гарантированно не будет.

Они согласятся с профессором. Не сразу – после эмоциональных споров, повторных бесед с врачами, бессонных ночей.

Сразу со старым другом согласится лишь сам Борис. К сожалению, он не в состоянии был это сделать наяву, но профессор знал, что говорил.

Залесский хотел только одного – досмотреть свой сон, ведь впереди была жизнь, новая невероятная фантазмагория его судьбы.

Глава 4

Клиффу Грину – шестьдесят. Он вырос в многодетной семье в районе Бей-Ридж, ему удалось получить приличное образование, и в 1925 году он с одним из своих братьев организовал бизнес. Братья наладили связи с европейскими поставщиками одежды. В Лондоне и Берлине заказывали мужские костюмы, в Париже – верхнюю женскую одежду, нижнее белье и аксессуары, обувь – преимущественно в Милане. Стив имел прекрасный вкус, и покупатели это оценили. Клифф занимался логистикой и всеми организационными вопросами.

У них возникла приличная клиентская база из мелких магазинчиков и отдельных персон. Дело развивалось, и через некоторое время они открыли свой собственный магазин возле перекрёстка 95-й улицы с 4-й авеню. В тридцать втором их отчаянная борьба с кризисом, который назывался так эпически «великой депрессией», закончилась полным крахом. И лишь к началу сороковых, благодаря активному притоку эмигрантов, Клиффу удалось укрепиться в новом бизнесе – строительстве в районе Бей-Ридж многоквартирных домов. Его брат и партнер, Стивен, остался верен направлению их прежнего дела и преуспел, войдя в совет директоров крупной торговой сети.

Клифф сидел за письменным столом в своем кабинете в недавно приобретенном здании в центре Мюнхена. Этот офис стал штаб-квартирой его компании в центральной Европе. Немало поспособствовал и разросшемуся бизнесу, и устройству непосредственно офиса сидевший напротив него молодой человек. Он выслушал короткую речь Бориса Залесского, своего теперь уже партнера, и надолго задумался.

Несколько дней назад он получил письмо, в котором Залесский просил освободить его от занимаемой должности и сообщал о том, что он покидает Германию и прекращает свое участие в компании.

Этот парень был для него загадкой. Без специального образования, никогда прежде не сталкивавшийся с делом, которое Клифф ему поручил. Да, он совершил не свойственный себе поступок – уступил просьбе близкого человека взять на работу показавшегося тому способным практически мальчишку. Конечно, важную роль сыграло знание языков, способность общаться со всей разношерстной командой при запуске дела. Но потом! Он, этот двадцатидвухлетний парень, проявил безошибочное умение видеть главное – видеть цели, видеть пути их достижения и ставить задачи тем людям, которых оценивал сам, не обращая внимания на должности. Он работал по 20 часов в сутки и никогда ничего не просил для себя.

И теперь он уходит.

– Итак, мистер Залесский, – начал Клифф. – Я знаю, что обо мне говорят, как о человеке без сантиментов, что я ни с кем не разговариваю более пяти минут. В данном случае я позволю себе несколько отступить от привычного образа. Во-первых, я должен сказать, что сожалею о вашем решении покинуть компанию. И, во-вторых, я никоим образом не намерен вас от этого решения отговаривать. Вашу долю в бизнесе мы оценили в связи со сложившимися обстоятельствами по курсу, который мог бы быть значительно выше при соблюдении условий контракта. Вы понимаете, что своим неожиданным уходом ставите нас в сложное положение. На ваш счет будут переведены семьдесят тысяч долларов. Документы наши юристы подготовили. Надеюсь, у вас не возникнет претензий к таким условиям.

Борис энергично покачал головой в знак согласия. На самом деле, он был готов к намного более суровому решению.

– Теперь, – продолжил Клифф, – о сантимертах. Должен вам сказать кое-что, и пусть это считается сантиментами. Я – американец, но то, что произошло с евреями, не оставило меня в стороне. В Освенциме погибла моя двоюродная сестра по отцовской линии. Ваши чувства мне более чем понятны. Я должен произнести и то, что никогда без особых обстоятельств себе не

позволяю. Я не люблю громких слов, но должен признать, что вы – один из самых способных молодых людей, с кем мне довелось работать.

Борис привстал и молча поклонился этому откровению мистера Грина.

Клифф продолжил:

– Куда бы вы не направились, а я понимаю, что первым пунктом назначения вы определили для себя Францию, Париж, – вы обязательно станете искать для себя занятие, и это занятие, я уверен, будет все-таки бизнес, а главное место на земле для бизнеса и для такого человека как вы – это Америка, и это Нью-Йорк. Поэтому я хочу дать вам адрес своего брата.

Он положил перед Борисом фирменный бланк компании с написанным его рукой адресом в Нью-Йорке и прикрепленной визитной карточкой Стивена Грина.

– Я написал Стивену письмо, в котором кратко изложил вашу историю и свою рекомендацию относительно ваших способностей. Я объяснил ему, что вы можете появиться в Нью-Йорке нескоро, но он будет готов ко встрече с вами.

Залесский вышел на улицу. До его дома нужно было пройти несколько кварталов. Он все еще был под впечатлением от своего визита. Теперь ему казалось, что он слишком сухо поблагодарил Грина. Тот, прощаясь, подошел к нему и крепко пожал руку, произнес еще какие-то слова напутствия, а мне, корил себя Борис, ничего, кроме «Я всегда буду вам благодарен, вы научили меня многим вещам, и я никогда этого не забуду» не пришло в голову и ничего более не удалось из себя выдавить. Впрочем, он был уверен, Клифф все понимал: и его смущение, и его чувство вины за то, что он практически без предупреждения оставил руководство доверенным ему участком работы. Клифф все понимает, он должен оставить позади этот кусок жизни, связанный с войной, с Германией, с немцами – и точка.

«Стивен Грин – член совета директоров Масы's Inc.» – так было выдвинуто золотым шрифтом на плотном листе светло-голубой визитной карточки. Борис прочитал этот текст, уже собираясь на шестичасовой поезд, следовавший из Мюнхена в Париж. Визитку и бланк с адресом Стивена, сложенный пополам, вместе со всеми остальными документами Залесский уложил в саквояж, удивившись, каким малым количеством вещей он умудрился довольствоваться.

Вокзал «Сен-Лазар». Борис когда-то в детстве рассматривал с сестрами репродукции Клода Моне, посвященные этому легендарному месту – воротам в великий город. Эти картины остались в памяти прекрасной сказкой, мечтой окунуться в атмосферу силуэтов величественных зданий, прорисованных неясными линиями в клубах пара, столбом выстреливающих из труб черных, старинных паровозов.

И хотя все выглядело иначе, чем то, что он видел на полотнах художника, аура Парижа очаровала его мгновенно. Это очарование витало в воздухе, оно исходило от звучащей вокруг речи, аромата дамских духов, красок, разбросанных по фасадам домов, всей заполнившей взгляд архитектуры города.

В отеле «Плаза Атене» он снял уютный номер за 10 долларов в сутки. Пообедал в местном ресторане и, расспросив портье о том, как ему найти кабаре «Фоли-Бержер», отправился по указанному адресу.

Такси, новенький Renault 4CV, неспешно двигалось по слегка припорошенным снегом улицам. Окна запотевали, и таксист наполовину опустил стекло водительской двери. Свежий холодный ветер проник в кабину, и Борис поднял воротник своего светло-бежевого пальто. Струя холода, этого воздуха, пропитанного запахами парижской улицы, вся картина окружившего его мира, пробуждали в нем давно забытое чувство – будоражащее до мурашек, до покалывания у висков ожидание праздника.

Кабаре располагалось в районе Монмартра у типичного для Парижа соединения трех улиц. Над прорезанным множеством входов вестибюлем серого здания, построенного в стиле арт-деко, расположилось большое панно: стилизованное изображение танцовщицы.

Борис вошел в просторный холл и расположился у стойки бара, занимавшего часть пространства у южной стены. Он заказал кофе и спросил бармена, не знает ли он месье Франсуа Бессона. Тот оказался словоохотливым парнем и сообщил, что он, конечно, знает тут всех, и Франсуа в том числе, и что он особенно ему импонирует, а еще больше – его замечательной сестре, и что Франсуа сегодня отсутствует, он с частью труппы уехал на какое-то мероприятие в Лион. И только после этой информативной речи он поинтересовался, кем приходится его посетитель месье Бессону.

– Мы старинные друзья, – Борис так себя представил и подумал, что старинными они, пожалуй, могут считаться не по времени, проведенному вместе, а по времени расставания – несколько недель против нескольких лет.

В это время бармен уже набрал номер телефона и прокричал в трубку о том, что к Франсуа приехал его «старинный» друг и пусть Арлет встретит его в баре.

Вторую чашку кофе Залесский заказать не успел. Вихрь, ароматное облако, атлас нежных рук – чудесное создание в накинутой на трико балерины пелерине с щекотавшей ему лицо и шею меховой опушкой закружило его, и колокольчиками прозвенели быстрые слова: «Мы вас ждали. Вы наш герой, я вас обожаю, мы вас не отпустим! Франсуа будет счастлив». Вокруг них собралась небольшая группа сотрудников, артистов и посетителей заведения. Арлет певучим голосом громко представила смущенного гостя публике:

– Этот человек спас моего брата в последний день войны, и теперь он наш гость и самый лучший друг!

Все зааплодировали, и на слабые возражения Бориса о том, что он ничего особенного не сделал и Франсуа сам молодец, овации только усилились.

Арлет потащила его наружу, на январскую холодную улицу, в своем воздушном наряде и на его удивленное «Вы замерзнете!» рассмеялась. Не выпуская его руки, пробежала с ним через улицу к находившемуся напротив входа в варьете «Folie's cafe».

Вторую чашку кофе он пил уже под ее безостановочный рассказ о том, как сложилась их с братом жизнь после освобождения. Он, наконец, рассмотрел ее: жгучая брюнетка, черные глаза, высокие скулы, нос чуть с горбинкой, полные четко очерченные губы – и все это невероятно живое, излучающее энергию молодой, прекрасной женщины, танцовщицы из эпицентра жизни французской артистической богемы.

– Вы спасли моего милого брата не только для меня, вы спасли его для всех нас: артистов варьете, для наших зрителей. Вы увидите, он ведь один из ведущих, – она, шаловливо покачиваясь, руками обрисовала силуэт танцующего Франсуа. – Борис! Мы покажем вам Париж, настоящий, не тот, который видят туристы. Мы покажем вам Францию, Ривьеру. Я познакомлю вас с самыми прекрасными женщинами, с нашим артистическим бомондом.

Борис попытался вставить комплимент:

– Арлет, мне кажется, что самая прекрасная женщина Франции сидит напротив меня, – но в душе он почему-то ясно осознал, что к этой красавице он если и прикоснется, то только дружеским поцелуем.

И тут же Арлет подтвердила это его провидение:

– Ах, милый мой, поверьте: я лишь одна из многих, и меня уже заарканил один охотник. Вы попали практически на мою свадьбу, в эту субботу вы будете нашим почетным гостем. Да, где вы остановились?

Когда она услышала: «В Плаза Атене», всплеснула руками:

– Да вы транжира, там номер стоит не меньше пяти долларов за ночь!

– Десять, – уточнил Борис.

– За десять долларов можно прожить месяц у нас в Латинском квартале, – ужасалась Арлет. – Или вы жутко богаты? Франсуа говорил, что вы из тех, кто далеко пойдете.

Борис рассмеялся:

– Я вполне обеспечен, а куда лежит мой путь, пока не знаю. Может быть, Париж подскажет мне направление.

И они подняли свои кофейные чашечки в знак согласия с его ожиданиями.

Два месяца незабываемого безвременья, парижского тумана.

С того момента как Франсуа вернулся из Лиона, они не расставались. Не было кафе или ресторана на Монмартре, где они не провели бы какое-то время. Арлет и Франсуа выпросили у администрации варьете несколько дней отпуска. Париж и окрестности без этой веселой парочки Борис не исследовал бы так подробно никогда.

Дни кружились в залах кабаре, в кафешантанах, на парижских улицах. Женщины в этот короткий период появлялись и исчезали. Красивые, уверенные в себе, не обнаружив в нем серьезного влечения, уносились, как в их кругу шутили, на гастроли. Артистки варьете купались в волнах мужского вожделения. «Мы легкие люди!» – вспоминалась фраза, произнесенная Бессоном при первом знакомстве.

Но была одна женщина; как и Арлет, она останется его другом на долгие годы. Эта дама сыграет в его жизни роль, одну из многих своих ролей в жизни и в кино. Бессоны познакомили его со множеством своих друзей из артистического сообщества, они не прилагали к этому каких-то особых усилий, они просто жили своей естественной жизнью, чувствуя себя как рыбы в воде в этой пенящейся весельем страстями и интригами компании. Но тесно сблизится он лишь с великолепной актрисой, красавицей Симоной Синьоре.

Как-то после вечернего представления Арлет упростила его присоединиться к ним в поездке на ужин к одной замечательной даме. Арлет пришлось уговаривать его, уставшего, мечтающего добраться до своего уютного номера. Она заинтриговала его, рассказав о необычайно талантливой артистке, которая уже сегодня не сходит со страниц газетных киношных новостей, а впереди, уверяла Арлет, у нее мировая слава.

Синьоре жила в престижном районе Парижа Нёйи-сюр-Сен. С первого момента, как только Борис очутился в апартаментах актрисы, он почувствовал необычайное волнение. Может быть, оттого, что на комод в зале он увидел менору, или так подействовали все детали интерьера: убранство комнат, мебель, может быть, тона тканей, шторы, обивка кресел. Аромат букетов в многочисленных вазах... Все это вместе неуловимо напоминало его дом в Риге.

Они поужинали в обществе еще нескольких приглашенных коллег. Залесский видел, что хозяйка проявляет к нему интерес, и не раз ловил на себе ее взгляд. Он не удивился, когда Арлет шепнула ему на ухо:

– Симона просит тебя пройти в ее кабинет. Она хочет с тобой побыть наедине и поговорить о твоём прошлом, а мы пока займем гостей. Не волнуйся, она хорошая, – Арлет ободряюще ему улыбнулась и чмокнула в щеку.

Синьоре начала разговор первой.

Она рассказала ему, что ее девичья фамилия Каминкер, ее отец был юристом, их семья переехала из Висбадена в Париж, когда ей было 2 года. Во время немецкой оккупации им удалось скрыть свое еврейское происхождение, но она знает, что случилось с теми, кому этого сделать не удалось.

– Борис! Франсуа посвятил меня в вашу историю, она меня потрясла, и я понимаю, что вам, наверное, тяжело будет рассказывать о том, о чем я вас попрошу, но мне очень важно из первых уст услышать о постигшей наш народ трагедии.

И Симона попросила своего гостя рассказать о его семье.

Борис впервые, оглядываясь на себя, с каким-то облегчением осознал, что способен наконец окунуться в воспоминания. С удивлением произносил слова, фразы, которые, казалось, он не осмелится проговаривать никогда. Эта женщина, аура ее жилища, тепло ее глаз распахнули створки его души, и он рассказывал не останавливаясь. Он описал свою мать, отца, веселый

мир своих сестричек. Он сумел довести до конца этот рассказ и остановился только тогда, когда Симона не могла больше себя сдерживать и разрыдалась.

Арлет с Франсуа подвезли Бориса до отеля. Арлет засыпала Залесского вопросами:

– Как тебе Симона? Я видела, что она плакала. Наверное, ее так сильно взволновал твой рассказ? Она ведь хотела услышать ту ужасную правду...

Франсуа остановил сестру:

– Не приставай, Арлет! Неужели ты не понимаешь, если такой выдержанный человек, как Синьоре, плачет, значит и для Бориса разговор был не легким?

Арлет попыталась сменить тему, пойти на встречу укорам брата.

– Знаешь, – она обратилась к хранящему молчание Залесскому, – Симона на самом деле очень веселая, полная юмора, легкая в общении...

Но, поймав осуждающий взгляд Франсуа, поняла, что на самом деле сменить тему не получилось и уже совсем смутившись, закончила, видимо, тем, что волновало ее особенно.

– Симона – великая актриса! А мы просто артисты.

Она жеманно повела глазами и протяжно спела куплет из своего номера. Франсуа и Борис захлопали в ладоши. Борис рассмеялся:

– Хвастушка, напрашиваешься на комплимент, ты очаровательна и прекрасно это осознаешь. Вы разные и только, но Симона, конечно, производит сильное впечатление! – И поделился финалом встречи. – Она была очень мила и в конце сказала, что я могу обращаться к ней в любое время дня и ночи с любой просьбой: она сделает для меня все, что в ее силах.

– Ты думаешь, наверное, что это всего лишь слова вежливости? – Арлет положила сидящему на переднем сидении Борису руки на плечи. – Можешь быть уверен, она сделает так, как сказала.

Они встречались в этот его парижский период не раз. Симона, женщина с необыкновенным пленяющим шармом, очаровывавшем с первой минуты, в то же время была очень простой и доступной в общении, разумеется, для своего круга проверенных ее пронизательным взглядом людей.

И однажды эта актриса, чье лицо смотрело на парижан со множества киноафиш, выполнила свое обещание и сыграла в его судьбе свою роль.

Муж Арлет, Оливер Дэвис, бизнесмен с Уолл-стрит, почти все время находился в Нью-Йорке, безуспешно пытаясь каким-то образом решить проблему их совместной жизни. За те три месяца, которые прошли со дня их свадьбы, Борис видел Оливера всего лишь дважды. Арлет сразу предупредила супруга, что не оставит Париж, а он никак не мог придумать, как перенести управление своим делом во Францию. Поэтому большую часть времени компанию составляли двое неженатых мужчин: Франсуа, находившийся, по его словам, в постоянном «тестировании», Борис, который и вовсе не помышлял о серьезной связи, – и замужняя дама Арлет. Она была влюблена в своего американца, но ее веселью это чувство никак не мешало. Так что, в итоге, уныние этой троице не грозило. Борис между тем стал всерьез задумываться о том, чем все-таки заняться в ближайшее время. Его счет в банке по тем временам составлял значительную сумму, но она была далеко не безгранична.

Решение пришло, как это случается с некоторыми людьми, само.

В тот вечер они по просьбе Бориса никуда не пошли и составили ему компанию в ресторане его отеля. Время близилось к полуночи. Франсуа привез Арлет сразу после того, как закончилось представление в кабаре. Все были голодны и заказали половину предложенного в меню ассортимента. До того, как им принесли закуску эскарго и Prosciutto Melon, к Борису подошел старший официант и, наклонившись к нему, спросил, не позволить ли он присесть за их столик гостю отеля: в ресторане совершенно не было свободных мест. Борис посмотрел в том направлении, куда указывала рука просителя. У входа стоял мужчина средних лет в сером изрядно помятом костюме, беспомощно озираясь в безуспешной попытке решить проблему

позднего ужина. Арлет, расслышавшая негромкое предложение официанта, состроила недовольную гримасу, тот, уловив реакцию красавицы, добавил:

– Этот господин, американец, совсем не говорит по-французски, а вы, месье Залесский, я знаю, сможете с ним объясниться.

Служащие отеля за долгое время пребывания Бориса в «Плазе» прониклись к нему дружески-уважительным отношением – приветлив, не скупится на чаевые, не прочь обсудить новости с портье, получая свежую газету. Услышав «американец», Борис тут же сделал приглашающий жест этому человеку, и тот быстрым шагом подошел к их столику. Он занял предложенное место и представился:

– Роберт Митчел. Извините меня за вторжение. – Он обвел присутствующих виноватым взглядом. – Но я просто не представляю, где еще сегодня смогу поесть.

Было видно, что он устал и, несмотря на то, что Арлет с трудом разобрала его английский, она, немедленно раскаявшись в своем первоначальном неприятии к незнакомцу, постаралась выразить сочувствие гостю в виде заинтересованности в его ситуации, задав ему вопрос о том, что привело его в Париж? Она хотела еще добавить «бедненького». Действительно, усталость и, наверное, серый костюм подчеркивали бледность его лица. Потный лоб с небольшими залысинами, беспорядочно вьющиеся светлые волосы и добрые глаза Роберта Митчела вызвали в ней такое чисто женское участие, но она этого слова не произнесла – не хватило знания языка.

Роберт рассказал, одновременно сделав заказ, о том, как долго ему пришлось добираться из Нью-Йорка.

– Мне не удалось получить билет на прямой рейс в Париж, и самым близким оказался маршрут до Лондона, оттуда морем до Кале и на автомобиле до этого прекрасного отеля. Такое несуразное путешествие, трое суток на ногах, и в довершение ко всему... – Роберт махнул рукой, жестом изобразив разочарование.

Борис поделился закуской, которую принесли раньше, чем заказ Митчела. Не слушая возражений Роберта, он положил на его тарелку несколько ломтиков дыни с прошутто и подвинул поближе горячий хлеб.

– Не выгорело дело, ради которого промучились трое суток?

Борису стало интересно, что заставило американца лететь через полмира, чтобы тут же убедиться, что он проделал этот путь зря.

– Да, действительно, дело не выгорело, со мной даже не поговорили. Просто та дверь, в которую я надеялся войти, оказалась закрыта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.